Жан Жак Руссо
О политической экономии

Перевод с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова.

Слово "экономия", или "ойкономия" происходит от "ойкос", "дом" и от "номос", "закон" и по своему первоначальному смыслу означает лишь благоразумное и законное управление домом (1) для общего блага всей семьи. Значение этого термина впоследствии распространилось и на управление большой семьею, что есть Государство. Для того, чтобы различать сии два значения, в этом последнем случае экономию называют общей, или политической экономией (2), а в другом - домашней (3), или частной экономией. В этой статье речь идет только о первой.

Если бы между Государством (4) и семьею и существовало такое сходство, как это утверждают многие авторы, то даже из этого не следовало бы еще, что правила поведения, принятые в одном из этих двух обществ, были бы приемлемы в другом. Эти общества слишком различаются по своей величине, чтобы быть управляемы одинаковым образом, и всегда будет огромное различие между управлением домашним, когда отец может увидеть все сам, и гражданским управлением, когда правитель почти все видит лишь чужими глазами. Для того, чтобы положение дел здесь стало одинаковым, нужно было бы, чтобы дарования, сила и все способности отца возрастали пропорционально величине семьи и чтобы душа могущественного монарха относилась к душе обычного человека так, как размеры его владений относятся к достоянию одного частного лица.

Но как может управление Государством походить на управление семьею, которая имеет столь отличное от него основание? Отец физически сильнее, чем дети, и поэтому до тех пор, пока им нужна его поддержка, отцовскую власть можно по справедливости считать установленною самою природой (5). В большой семье, члены которой от природы равны между собою, политическая власть, устанавливаемая часто произвольно, может быть основана только на соглашениях, а магистрат может приказывать другим только в силу законов. Власть отца над детьми установлена для их же собственной пользы и потому не может, по самому смыслу вещей, включать право жизни и смерти; верховная власть, однако, у которой нет иной цели, кроме как общее благо, не может иметь иных пределов, как правильно понимаемая общественная польза: это различие я поясню в своем месте. Обязанности отца продиктованы ему естественными чувствами и таким тоном, который редко позволяет ему не повиноваться. У правителей нет ничего похожего на это правило, и они в своих отношениях с народом на деле связаны только теми обещаниями, которые они ему дали, и исполнения коих он вправе требовать. Другое различие, еще более важное, состоит в том, что у детей нет ничего, что бы они не получили от отца, и поэтому очевидно, что все права собственности принадлежат ему или же от него исходят. Совершенно противоположным образом обстоит дело в большой семье, где общее управление устанавливается лишь для того, чтобы обеспечить собственность частных лиц, появление которой предшествует ему. Главная цель трудов всего дома состоит в том, чтобы сохранить и умножить отцовское достояние, дабы отец мог когда-нибудь разделить его между детьми, не уменьшая их доли, тогда как богатство казны (6) - это лишь средство, часто весьма дурно понимаемое, для того, чтобы сохранить частным лицам мир и изобилие. Одним словом, малая семья обречена на то, чтобы угаснуть и распасться однажды на ряд других подобных семейств, большая же семья создана для того, чтобы длительно существовать в одном и том же состоянии, и поэтому для роста малой семьи нужно, чтобы она увеличивалась, тогда как для большой семьи достаточно, чтобы она сохранялась, и даже, более того, можно легко доказать, что всякое увеличение для нее скорее вредно, чем полезно.

По многим причинам, вытекающим из самой сути дела, в семье должен приказывать

отец. Во-первых, власть не должна распределяться поровну между отцом и матерью, но следует, чтобы управление было единым и чтобы, при расхождении во мнениях, один голос был преобладающим и решающим. Во-вторых, сколь легкими мы бы ни захотели признать недомогания, свойственные женщине, они все же создают для нее некоторый период бездеятельности: это достаточное основание, чтобы не отдавать ей в данном деле первенства, ибо при совершенном равновесии достаточно соломинки, чтобы склонить весы в ту или иную сторону. Кроме того, муж должен иметь право надзора за поведением своей жены, потому что для него важно быть уверенным в том, что дети, которых он вынужден признавать и кормить, не принадлежат кому-нибудь другому. Женщина, которой не нужно опасаться ничего подобного, не имеет таких же прав по отношению к своему мужу. В-третьих, дети должны повиноваться отцу сначала по необходимости, затем из благодарности (7): получая от него все, в чем они нуждаются, на протяжении первой половины своей жизни, они должны посвятить вторую половину жизни тому, чтобы доставлять отцу все ему необходимое. В-четвертых, что до слуг, то они также обязаны ему служить за то содержание, которое он им дает, исключая тот случай, когда условия найма перестают их удовлетворять, и они расторгают договор. Я ничего не говорю о рабстве (8), потому что оно противно природе, и никакое право не может его узаконить.

Ничего подобного нет в обществе политическом. Правитель не только не имеет естественного интереса в счастии частных лиц, но нередко даже пытается найти свою собственную пользу в том, чтобы они были несчастны. Если магистратура наследственна, тогда нередко ребенок повелевает взрослыми, если магистратура выборна, тогда при проведении выборов дают себя чувствовать тысячи неудобств: и в том, и в другом случае утрачиваются все преимущества отцовского авторитета. Если у вас только один правитель, то вы отданы на милость господина, у которого нет никаких оснований вас любить; если у вас правителей несколько, то приходится терпеть одновременно и их тиранию, и их раздоры. Одним словом, злоупотребления неизбежны, а последствия их пагубны во всяком обществе, где общественный интерес и законы не имеют никакой естественной силы и беспрестанно ущемляются личным интересом и страстями правителя и членов.

Хотя деятельность отца семейства и деятельность первого магистрата должны быть направлены к одной и той же цели, пути их столь различны, долг и права их настолько не совпадают, что смешать их можно, только создав себе ложные представления о первоначальных законах общества и впав в заблуждения, роковые для человеческого рода. В самом деле, если голос природы - это лучший совет, к которому хороший отец должен прислушиваться, чтобы хорошо исполнять свои обязанности, то для магистрата голос природы - только ложный наставник, который беспрестанно действует, увлекая этого последнего в сторону от выполнения его обязанностей, и рано или поздно приводит к его гибели или к гибели Государства, если магистрата не удержит от этого самая возвышенная добродетель. Единственная предосторожность, необходимая отцу семейства, это - оградить себя от пороков и помешать извращению своих естественных наклонностей, но эти-то естественные наклонности и развращают магистрата. Для того, чтобы поступать хорошо, первому из них нужно лишь прислушиваться к голосу своего сердца, второй же становится предателем в тот самый миг, когда слушается голоса сердца: самый его разум должен быть для него подозрителен, и он должен руководиться только общественным разумом, который есть Закон. Вот почему природа создала множество хороших отцов семейств, но с тех пор, как существует мир, человеческая мудрость создала лишь очень немного хороших магистратов (9).

Из всего того, что я только что изложил, следует, что различие между общественной экономией и частной экономией было сделано с полным основанием, и, поскольку Гражданская община и семья не имеют ничего общего между собою, кроме обязательства их правителей сделать и первую и вторую счастливыми, ни права их не могут возникать из одного и того же источника, ни одни и те же правила поведения подходить для них обеих. Я полагал, что этих немногих строк достаточно, чтобы опровергнуть ту отвратительную

теорию, которую кавалер Филмер (10) пытался утвердить в сочинении под заглавием Patriarcha* и которому два выдающихся человека (11) оказали слишком много чести, написав в ответ на него по книге. Впрочем, это - заблуждение весьма древнее, так как даже Аристотель, который в некоторых местах своей "Политики" (12) сам к нему склоняется, считает уместным нападать на это заблуждение в других местах. _____

* "Патриарх" (лат.).

Я прошу моих читателей отчетливо различать, кроме того, общественную экономию, о которой я буду говорить и которую я называю Правлением, от высшей власти, которую я называю Суверенитетом. Различие это состоит в том, что одной из них принадлежит право законодательства, и она в некоторых случаях налагает обязательства даже на саму Нацию в целом, тогда как другой принадлежит только власть исполнительная (13), и она может налагать обязательства лишь на частных лиц.

Да будет мне позволено (14) воспользоваться на миг сравнением обычным и во многих отношениях неточным, которое, однако, поможет лучше меня понять.

Политический организм, взятый в отдельности, может рассматриваться как членосоставленный живой организм, подобный организму человека. Верховная власть - это его голова; законы и обычаи - мозг, основа нервов и вместилище рассудка, воли и чувства, органами которых являются его судьи и магистраты; торговля, промышленность и сельское хозяйство - его рот и желудок, которые готовят пищу для всего этого организма; общественные финансы - это кровь, которую мудрая экономия, выполняющая функции сердца, гонит, чтобы она по всему телу разносила пищу и жизнь; граждане - тело и члены, которые дают этой машине (15) движение, жизнь и приводят ее в действие, и их нельзя ранить ни в какой отдельной их части так, чтобы ощущение боли не дошло сразу же до мозга, если животное находится в здоровом состоянии (16).

Жизнь и первого, и второго - это "Я", общее для целого, взаимная чувствительность и внутреннее соответствие всех частей. Если это сообщение прекращается, если единство формы распадается и смежные части перестают принадлежать друг другу иначе, как при наложении, - человек мертв или Государство распалось.

Политический организм - это, следовательно, условное общество, обладающее волей, и эта общая воля, которая всегда направлена на сохранение и на обеспечение благополучия целого и каждой его части, и которая есть источник законов, является для всех членов Государства, по отношению к этим членам и к Государству, мерилом справедливого и несправедливого: истина эта, скажу между прочим, показывает, насколько основательно столь многие авторы рассматривали как кражу те ухищрения, к которым предписано было прибегать детям в Лакедемоне, чтобы заслужить свой скудный обед (17); как будто бы все то, что велит Закон, могло не быть законным. Смотрите в статье "Право" (18) источник того великого и ясного принципа, развитием которого является эта статья.

Важно отметить, что это мерило справедливости, надежное по отношению ко всем гражданам, может быть ошибочным в применении к чужестранцам, и причина тому очевидна: ибо тогда воля Государства, хотя и является общею по отношению к его членам, не является уже таковою по отношению к другим Государствам и их членам, но становится для них волей частною и индивидуальною, мерилом справедливости которой является естественный закон; это равным образом сводится к установленному нами принципу. Ибо тогда мир как один большой город (19) - превращается в Политический организм, естественным законом которого является всегда общая воля, входящие же в него Государства и различные народы являются лишь индивидуальными членами этого организма.

Из этих именно различий в применении к каждому политическому обществу и к его членам и возникают мерила самые всеобщие и самые надежные, на основании которых можно судить о том, хорошо или дурно Правление, и вообще о нравственности всех поступков человеческих.

Всякое политическое общество состоит из других меньших обществ различного рода,

из которых каждое имеет свои интересы и свои правила. Но эти общества, которые видны каждому, так как они имеют форму внешнюю и узаконенную, не являются единственными на деле существующими в Государстве обществами; все те частные лица, которых объединяет общий интерес, образуют такое же число постоянных или недолговечных сообществ, сколько этих общих интересов. Сила этих сообществ менее очевидна, но не менее действенна, и лишь исправное соблюдение различных соотношений между ними дает подлинное знание нравов. Все эти молчаливо созданные или оформленные ассоциации и видоизменяют самыми различными способами вид воли общественной влиянием своей собственной. Воля этих частных обществ выступает всегда в двух отношениях: для членов ассоциации - это общая воля; для большого общества это воля частная, которая весьма часто оказывается правой с одной стороны и порочною с другой. Иной может быть благочестивым священником или храбрым солдатом, или ревностным патрицием, но плохим гражданином. Иное решение может быть выгодным для малой общины людей и очень опасным для большой. Правда, поскольку частные общества всегда подчинены обществам, в состав которых они входят, то повиноваться должно скорее этим последним, чем другим; обязанности гражданина важнее, чем обязанности сенатора, а обязанности человека важнее, чем обязанности гражданина. Но, к несчастью, личный интерес всегда оказывается в обратном отношении к долгу и увеличивается по мере того, как ассоциация становится все более узкой, а обязательства - менее священными: это - неоспоримое доказательство того, что воля наиболее общая всегда также и самая справедливая и что голос народа есть и в самом деле глас Божий.

Из этого не следует, что решения, принятые обществом, всегда справедливы; они могут не быть таковыми, когда речь идет об иностранных делах, я уже указал по какой причине. Таким образом не исключено, чтобы хорошо управляемая Республика вела несправедливую войну. Также не исключено, чтобы Совет какой-нибудь демократии издал плохие декреты и осудил невинных, но это никогда не случится, если народ не будет введен в соблазн частными интересами, которыми несколько ловких людей сумеют, в силу своего влияния и красноречия, подменить его интересы. Тогда иное дело - решение, принятое обществом, и иное дело - общая воля. Пусть же мне не возражают, ссылаясь на демократию Афин, потому что Афины не были в действительности демократией, но весьма тиранической аристократией, управляемой учеными и ораторами. Рассмотрите тщательно, что происходит при вынесении какого-нибудь решения, и вы увидите, что общая воля всегда защищает общее благо; но весьма часто возникает тайный раскол, молчаливый сговор тех, кто умеет, в своих частных интересах, отклонить собрание от решений, к коим оно склонно по природе своей. Тогда Общественный организм практически разделяется на несколько других организмов, члены которых выражают общую волю, хорошую и справедливую по отношению к этим новым организмам, но несправедливую и дурную по отношению к целому, от которого каждый из таких организмов отъединяется.

Отсюда видно, как легко можно объяснить с помощью этих принципов те явные противоречия, которые замечаем мы в поведении стольких людей, вполне добросовестных и честных в некоторых отношениях, в других же отношениях обманщиков и плутов, попирающих ногами самые священные обязанности и до самой смерти верных обязательствам часто незаконным. Так, самые испорченные люди все же оказывают своего рода уважение тому, во что верит общество; например, - это было отмечено в статье "Право", - даже разбойники, враги добродетели в большом обществе, поклоняются ее изображению в своих пещерах (20).

Утверждая общую волю в качестве первого принципа общественной экономии и главной основы всякого Правления, я не считал нужным всерьез рассматривать вопрос о том, принадлежат ли магистраты к народу или народ - магистратам, и о том, следует ли в общественных делах сообразоваться с благом Государства или с благом правителей. С давних пор этот вопрос был разрешен в одном смысле практикою, а в другом - разумом; и вообще было бы большой глупостью надеяться, чтобы те, которые на деле являются

господами, предпочли иные интересы своим собственным. Поэтому было бы удобно разделить общественную экономию, кроме того, на народную и тираническую. Первая из них - это экономия всякого Государства, в котором между народом и правителями царит единство интересов и воли; вторая будет существовать неизбежно повсюду, где у Правительства и у народа будут различные интересы и, следовательно, когда стремления каждого из них будут противоположны. Основные правила этой последней экономии пространно записаны в архивах истории и в сатирах Макиавелли (21). Другие правила можно найти лишь в писаниях тех философов, кои осмеливаются требовать прав человечности.

I. Итак, первый и самый важный принцип Правления, основанного на законах, или народного, т. е. такого, которое имеет своею целью благо народа, состоит, как я уже говорил, в том, чтобы во всем следовать общей воле. Но, чтобы ей следовать, нужно ее знать и, в особенности, уметь хорошо отличать ее от частной воли, начиная с самого себя: такое различие всегда очень трудно сделать, и просветить нас в этом отношении может лишь возвышеннейшая добродетель. Для того, чтобы хотеть, надо быть свободным, и поэтому другая едва ли меньшая трудность - это обеспечить одновременно и общественную свободу, и авторитет Правительства. Если вы поищете те причины, которые побудили людей, объединившихся в большое общество (22) во имя их взаимных интересов, объединиться более тесно в гражданских обществах, вы не найдете никакой иной причины, кроме потребности обеспечить имущество, жизнь и свободу каждого члена общею защитою (23). Иначе как можно заставить людей защищать свободу одного из них, не ущемляя свободы других? и как удовлетворить общественные нужды, не вредя собственности тех частных лиц, которых принуждают способствовать этому? Какими бы софизмами мы ни пытались это скрасить, все же несомненно, что если мою волю можно стеснять, то я уже более не свободен, и я уже не хозяин моего имущества, если кто-либо другой может к нему прикоснуться. Эта трудность, которая должна была казаться неодолимою, была устранена вместе с первой при помощи самого возвышенного из человеческих установлений или, скорее, небесным вдохновением, которое научило человека подражать в этом мире непреложным наказам Божества. С помощью какого непостижимого искусства удалось найти средство подчинить людей, чтобы сделать их свободными? использовать для служения Государству имущество, руки и самую жизнь всех его членов, не принуждая их и не спрашивая их мнения? сковать их волю с их собственного согласия? придавать решающее значение их согласию вопреки их отказу и принуждать их самим себя наказывать, когда они делают то, чего не хотели? Как может оказаться, что они повинуются, а никто не повелевает; что они служат и не имеют господина; когда в действительности они тем более свободны, что при кажущемся подчинении никто не теряет из своей свободы ничего, кроме того, что может вредить свободе другого? Эти чудеса творит Закон. Одному только Закону люди обязаны справедливостью и свободою; этот спасительный орган воли всех восстанавливает в праве естественное равенство между людьми; этот небесный голос внушает каждому гражданину предписания разума общественного и научает его, поступая соответственно правилам собственного своего разумения, не быть при этом в противоречии с самим собою. И только Закон правители должны заставить говорить, когда они повелевают, ибо как только один человек пытается независимо от законов подчинить своей частной воле другого человека, он тотчас же выходит из гражданского состояния и ставит себя по отношению к этому другому человеку в состояние чисто естественное, когда повиновение никогда не предписывается иначе, как силой необходимости.

Самый настоятельный интерес правителя так же, как и самый необходимый его долг, состоит, стало быть, в том, чтобы заботиться о соблюдении законов, служителем которых он является и на которых основывается весь его авторитет. Если он должен заставить других соблюдать законы, то с еще большим основанием должен соблюдать их он сам (24), раз он пользуется всем их покровительством, ибо его пример имеет такую силу, что если бы народ и согласился потерпеть, чтобы правитель освободил себя от ярма Закона, ему следовало бы остерегаться пользоваться этой столь опасной прерогативой, которую вскоре пытались бы, в

свою очередь, узурпировать другие и часть ему во вред. В сущности, так как все обстоятельства, налагаемые обществом, по своей природе взаимны, то нельзя поставить себя выше Закона, не отказываясь от преимуществ, которые дает общество; и никто не обязан ничем тому, кто считает, что он ничем никому не обязан. По той же причине при правильно устроенном Правлении никакое изъятие из действия Закона никогда не будет дароваться ни на каком основании. Граждане же, которые имеют заслуги перед отечеством, должны получать в вознаграждение за них те или иные почести, но никак не привилегии, ибо Республика уже накануне гибели, если кто-нибудь может подумать, что это хорошо - не повиноваться законам. Но если бы когда-либо знать или военные, или какое-либо другое сословие в Государстве усвоили себе такое правило, то все погибло бы безвозвратно.

Сила законов зависит еще больше от собственной их мудрости, чем от суровости их исполнителей, а общественная воля получает наибольший свой вес от разума, которым она продиктована; потому-то Платон и рассматривает (25) как весьма важную предосторожность - необходимость в начале эдиктов всегда помещать преамбулу, которая показывала бы их справедливость и пользу. В самом деле, первый из законов - это уважение законов; суровость наказаний (26) - это лишь бесполезное средство, придуманное неглубокими умами, чтобы заменить страхом то уважение, которого они не могут добиться иным путем. Всегда замечали, что в тех странах, где пытки всего ужаснее, - их применяют чаще всего; так что жестокость наказаний говорит лишь о многочисленности правонарушителей, а наказывая за все с одинаковою строгостью, мы вынуждаем виновных совершать преступления, чтобы избежать наказания за свои проступки.

Но хотя Правительство и не властно над Законом, и то уже много значит, что оно выступает как поручитель за него и имеет тысячу средств заставить его любить. Только в этом и состоит талант управления. Когда имеешь в руках силу, не требуется искусства, чтобы повергнуть всех в трепет; точно так же немного надо искусства и для того, чтобы завоевать сердца, ибо опыт давно уже приучил народ быть благодарным своим правителям за то, что они ему не причинили всего того зла, какое они могли ему причинить, и обожать своих правителей, когда народ им не ненавистен. Глупец, которому повинуются, может, как и всякий другой, карать преступления - настоящий государственный деятель умеет их предупреждать; он утверждает свою достойную уважения власть не столько над поступками, сколько, в большей еще мере, над волею людей. Если бы он мог добиться того, чтобы все поступали хорошо, ему самому уже не оставалось бы ничего делать, и вершиною его трудов была бы возможность самому оставаться бездеятельным. Достоверно, по меньшей мере, что самый большой талант правителей состоит в том, чтобы скрывать свою власть, дабы сделать ее менее отталкивающею и управлять Государством столь мягко, чтобы казалось, что оно и не нуждается в руководителях.

Я заключаю, таким образом, что так же, как первый долг Законодателя состоит в том, чтобы привести законы в соответствие с общей волей, так и первое правило общественной экономии состоит в том, чтобы управление соответствовало законам. Для того, чтобы Государство не было дурно управляемо, достаточно даже того, чтобы Законодатель предусмотрел, - как он это и должен был сделать, - все, чего требуют условия местности, климата, почвы, нравов, соседства и все внутренние отношения в народе, которому он должен был дать установления (27). Это не означает, что не остается еще множества частностей внутреннего управления и экономии, которые предоставляются мудрому попечению Правительства. Но всегда есть два непогрешимых правителя, которые укажут, как правильно поступать в этих случаях: один из них - дух Закона (этим надлежит руководиться, принимая решения в тех случаях, которые Закон не мог предусмотреть); второй - это общая воля, источник и естественное дополнение всех законов, и ее всегда следует вопрошать при отсутствии прямых указаний закона. Как, скажут мне, узнать общую волю в тех случаях, когда она никак не высказывалась? нужно ли будет собирать всю нацию при каждом непредвиденном событии? Оснований собирать нацию тем меньше (28), что вовсе не обязательно, чтобы ее решение представляло собою выражение общей воли; этот

способ неосуществим, когда мы имеем дело с многочисленным народом, и в нем редко возникает необходимость, когда Правительство имеет добрые намерения. Ибо правители хорошо знают, что общая воля всегда принимает сторону самую справедливую, так что нужно лишь быть справедливым, чтобы быть уверенным в том, что следуешь общей воле. Часто, когда ее слишком открыто попирают, она все же проявляет себя, несмотря на все страшные стеснения со стороны публичной власти. Я пытаюсь найти как можно ближе примеры, которым надлежит следовать в подобном случае. В Китае (29) государь, как правило, всегда и неизменно делает своих чиновников виновными во всех разногласиях, которые возникают между ними и народом. Если в какой-нибудь провинции вздорожает хлеб, интенданта сажают в тюрьму (30). Если в другой провинции возникает мятеж, то губернатора отрешают от должности, и каждый мандарин отвечает головою за всякую беду, что случится в его округе. Это не значит, что потом дело не расследуется по всем правилам в суде, но долгий опыт научил опережать таким образом его приговор. Здесь редко приходится исправлять какую-либо несправедливость; и император, убежденный в том, что народное недовольство никогда не бывает беспричинным, всегда различает среди мятежных криков, за которые он карает, справедливые жалобы, кои он удовлетворяет.

Это уже много - установить во всех частях Республики порядок и мир; это уже много, если в Государстве царит спокойствие и уважается Закон. Но если не делается ничего больше, то во всем этом будет больше видимости, чем реальности, и Правительство с трудом добьется повиновения, если оно будет требовать одного только повиновения. Если это хорошо - уметь использовать людей такими, каковы они, - то еще много лучше - сделать их такими, какими нужно, чтобы они были; самая неограниченная власть - это та, которая проникает в самое нутро человека и оказывает не меньшее влияние на его волю, чем на его поступки. Несомненно, что люди, в конце концов, то, во что превращает их Правительство: воины, граждане, мужи, когда оно этого желает; чернь и сброд, когда ему это угодно; и всякий государь, который презирает своих подданных, сам себя позорит, когда обнаруживается, что он не смог сделать их достойными уважения. Создавайте же мужей, если хотите вы повелевать мужами; если хотите вы, чтобы законам повиновались, сделайте так, чтобы их любили и чтобы достаточно было подумать о том, что должно сделать, чтобы то было исполнено. В этом-то и заключалось великое искусство Правительств древних в те отдаленные времена, когда философы давали законы народам и использовали свое влияние лишь для того, чтобы делать народы мудрыми и счастливыми. Отсюда столько законов против роскоши, столько уложений о нравах, столько провозглашенных обществом правил, которые с величайшею разборчивостью принимались или отвергались. Даже тираны не забывали об этой важной части управления, и они уделяли столько же внимания развращению нравов своих рабов, сколько магистраты - заботам об исправлении нравов своих сограждан. Но наши новые Правительства, которые считают, что они все делают, когда извлекают деньги, даже не представляют себе, что необходимо или возможно прийти к этому.

II. Второй существенный принцип общественной экономии не менее важен, чем первый. Вы желаете, чтобы осуществилась общая воля? Сделайте так, чтобы все изъявления воли отдельных людей с нею сообразовались, а так как добродетель есть лишь соответствие воли отдельного человека общей воле, то, дабы выразить это в немногих словах, установите царство добродетели.

Если бы политики были меньше ослеплены своим тщеславием, они бы увидели, насколько невозможно, чтобы какое-либо установление действовало в соответствии со своим назначением, если его развитие не направлять в соответствии с законом долга, они бы поняли, что самая важная движущая сила публичной власти заключена в сердцах граждан, и ничто не может заменить добрые нравы как опору Правительства. Мало того, что лишь люди честные могут исполнять законы; в сущности лишь люди порядочные умеют им повиноваться. Тот, кто не боится угрызений совести, не убоится и пыток - кары менее страшной, менее длительной и такой, которую, по крайней мере, можно надеяться избежать;

и какие бы предосторожности ни были приняты, - те, кому, чтобы творить зло, нужна лишь безнаказанность, едва ли не найдут способов обойти Закон и уйти от наказания. Тогда, поскольку все частные интересы объединяются против общего интереса, который не является больше интересом кого-либо в отдельности, все пороки общества, чтобы ослабить законы, приобретают силу большую, чем законы, чтобы уничтожить пороки, и разложение народа и правителей захватывает, в конце концов, и Правительство, сколь мудрым оно бы ни было. Худшее из всех зол состоит в том, что законам подчиняются по видимости, лишь для того, чтобы на деле с большей уверенностью их нарушать. Вскоре самые лучшие законы превращаются в самые пагубные; было бы во сто раз лучше, если бы их вообще не существовало оставалось бы еще это последнее средство, когда других средств уже нет. В подобном положении тщетно нагромождают эдикты на эдикты, постановления на постановления: все это приводит лишь к появлению новых злоупотреблений, не исправляя прежних. Чем больше умножаете вы число законов, тем большее презрение вы к ним вызываете, и все надзиратели, которых вы ставите, - это лишь новые нарушители, которые поставлены делиться с прежними или грабительствовать отдельно. Вскоре наградою венчают не добродетели, а разбой; самые подлые люди пользуются наибольшим доверием; чем выше они поднимаются, тем большее презрение к себе вызывают; самые их почетные звания кричат об их подлости, и их позорят сами эти почести. Если они покупают одобрение правителей или покровительство женщин, так только для того, чтобы торговать, в свою очередь, правосудием, своею должностью и Государством, а народ, который не видит, что их пороки - это первая причина его несчастий, ропщет и восклицает со стоном: "Все мои беды лишь от тех, которым я плачу, чтобы они меня от этих бед оградили".

Вот тогда-то голос долга, который уже замолк в сердцах граждан, правители вынуждены заменить криком ужаса или приманкою какой-либо кажущейся выгоды, которой они завлекают своих ставленников. Вот тогда-то и приходится прибегать ко всем тем мелким и презренным хитростям, которые они называют "государственными принципами" и "тайнами кабинета". Все, что остается от силы Правительства, используется его членами, чтобы губить и вытеснять друг друга, а дела оказываются заброшенными или же ведутся лишь в той мере, в какой того требует личная выгода, и сообразно тому, как она их направляет. Наконец, все искусство этих великих политиков состоит в том, чтобы так затуманить глаза людям, в которых они нуждаются, чтобы каждый считал, что он трудится в своих интересах, действуя в их интересах; я говорю в их интересах, как будто подлинный интерес правителей в самом деле требует уничтожать своих подданных, чтобы их подчинить и разорить, дабы обеспечить себе обладание их имуществом.

Но когда граждане любят свои обязанности, а блюстители публичной власти искренне стараются поощрять эту любовь своим примером и заботами, все трудности исчезают, управление приобретает легкость, избавляющую правителей от необходимости прибегать к тому малопонятному искусству, мерзость которого и составляет всю его тайну. Никто уже не сожалеет об этих необъятных умах, столь опасных и столь обожаемых, обо всех этих великих министрах, чья слава неотделима от бедствий народа; добрые нравы общества заменяют гений правителей, и чем более царит добродетель, тем меньше нужны дарования. Даже честолюбивым замыслам лучше служит исполнение долга, чем узурпация. Народ, убежденный в том, что его правители трудятся лишь для того, чтобы составить его счастье, своим уважением освобождает их от трудов по укреплению их власти, и история показывает нам в тысячах случаев, что если народ предоставляет власть тем, кого он любит и кто его любит, то такая власть во сто раз неограниченнее, чем всякая тирания узурпаторов. Это не значит, что Правительство должно бояться пользоваться своею властью, но что оно должно использовать ее только в соответствии с законами. Вы найдете в истории тысячу примеров правителей честолюбивых или боязливых, которых погубили уступчивость или гордыня, - но ни одного примера правителя, которому пришлось плохо лишь потому, что он был справедлив. Однако нельзя смешивать пренебрежение с умеренностью и мягкость со слабостью. Нужно быть суровым, чтобы быть справедливым. Допустить злодеяние, которое

мы вправе и в силах уничтожить, значит стать самому злодеем. Sicuti enim est aliquando misericordia puniens, ita est crudelitas parcens *. _____

* "Ибо, как иногда милосердие наказывает, так и жестокость иногда щадит" (лат.). Августин (33). Послания. CLII.

Недостаточно сказать гражданам: "Будьте добрыми!" - надо научить их быть таковыми; и даже пример, который в этом отношении должен служить первым уроком, не есть единственное необходимое здесь средство. Любовь к отечеству всего действеннее, ибо, как я уже говорил, всякий человек добродетелен, когда его частная воля во всем соответствует общей воле, и мы с охотою желаем того же, чего желают любимые нами люди.

Похоже на то, что чувство человечности выдыхается и ослабевает, если оно должно охватить все на свете, и что бедствия в центре и на севере Азии (31) или в Японии не могут нас волновать в такой мере, как бедствия какого-нибудь европейского народа. Надо каким-то образом сосредоточить интерес и сострадание, чтобы придать им большую действенность. Однако, если уже такая наша склонность может принести пользу только тем, с кем нам приходится жить, то хорошо, по крайней мере, что человечность, сконцентрированная в кругу сограждан, обретает в них же новую силу, укрепляемую привычкою постоянно видеть друг друга и общими интересами, их объединяющими. Несомненно, величайшие чудеса доблести были вызваны любовью к отечеству; это чувство сладкое и пылкое, сочетающее силу самолюбия со всей красотою добродетели, придает ей энергию, которая, не искажая сего чувства, делает его самою героическою из всех страстей. Любовь к отечеству - вот что породило столько бессмертных деяний, чей блеск ослепляет слабые наши глаза, и стольких великих людей, чьи давние добродетели стали почитаться за басни с тех пор, как любовь к отечеству стала предметом насмешек. Не будем тому удивляться: порывы чувствительных сердец кажутся химерами всякому, кто их не испытывал; и любовь к отечеству, во сто крат более пылкая и более сладостная, чем любовь к возлюбленной, познается только тогда, когда ее испытаешь; но легко заметить во всех сердцах, кои она согревает, во всех поступках, кои она внушает, тот пылающий и возвышенный жар, каким не светится самая чистая добродетель, если отделена она от любви к отечеству. Осмелимся противопоставить самого Сократа Катону (32): один из них был более философом, а другой - более гражданином. Афины уже погибли, и только весь мир мог быть Сократу отечеством; Катон же всегда носил свое отечество в глубине своего сердца, он жил лишь ради него и не мог его пережить. Добродетель Сократа - это добродетель мудрейшего из людей, но рядом с Цезарем и Помпеем (34) Катон кажется богом среди смертных. Один из них наставляет несколько человек, воюет с софистами (35) и умирает за истину; другой - защищает Государство, свободу, законы от завоевателей мира (36) и, наконец, покидает землю (37), когда больше не видит на ней отечества, которому он мог бы служить. Достойный ученик Сократа был бы добродетельнейшим из своих современников; достойный соперник Катона был бы из них величайшим. Добродетель первого составила бы его счастье; второй искал бы свое счастье в счастии всех. Мы получили бы наставления от первого и пошли бы за вторым; и уже это одно решает, кому оказать предпочтение, ибо никогда не был создан народ, состоящий из мудрецов, - сделать же народ счастливым возможно.

Мы желаем, чтобы народы были добродетельны? Так научим же их прежде всего любить свое отечество. Но как им его полюбить, если оно значит для них не больше, чем для чужеземцев, и дает лишь то, в чем не может отказать никому? (38) Было бы намного хуже, если бы в своем отечестве они не имели даже гражданской безопасности, и их имущество, жизнь или свобода зависели бы от милости людей могущественных, причем им невозможно было бы или не разрешено было бы сметь требовать установления законов. Тогда, подчиненные обязанностям гражданского состояния, и не пользуясь даже правами, даваемыми состоянием естественным, не будучи в состоянии использовать свои собственные силы, чтобы себя защитить, они оказались бы, следовательно, в худшем из состояний, в котором могли только оказаться свободные люди, и слово "отечество" могло бы иметь для них только смысл отвратительный или смешной. Не следует полагать, что можно повредить

или порезать руку так, чтобы боль не отдалась в голове; и не более вероятно, чтобы общая воля согласилась на то, чтобы один член Государства, каков бы он ни был, ранил или уничтожал другого (39), за исключением того случая, когда такой человек в здравом уме тычет пальцами ему прямо в глаза. Безопасность частных лиц так связана с общественной конфедерацией, что если не учитывать должным образом людской слабости, такое соглашение должно было бы по праву расторгаться, если в Государстве погиб один-единственный гражданин, которого можно было спасти, если несправедливо содержали в тюрьме хотя бы одного гражданина или если был проигран хоть один судебный процесс вследствие явного неправосудия. Ибо, коль разорваны основные соглашения (40), непонятно, какое право или какие интересы могли бы удерживать народ в общественном союзе, если только он не будет удержан в этом союзе одною лишь силой, которая неизбежно вызывает распад гражданского состояния.

В самом деле, разве обязательство Нации в целом не состоит в том, чтобы заботиться о сохранении жизни последнего из ее членов столь же старательно, как и о всех остальных? и разве благо одного гражданина - это в меньшей степени общее дело, чем благоденствие всего Государства? Если нам скажут, что справедливо, чтобы один погиб ради всех, я восхищусь таким изречением в устах достойного и добродетельного патриота, который обрекает себя на смерть добровольно и подчиняясь долгу ради спасения своей страны. Но если под этим понимают, что Правительству дозволено принести в жертву невинного ради безопасности многих, то я нахожу, что этот принцип - один из самых отвратительных, какие когда-либо изобретала тирания, самый ложный из всех, какие можно выдвинуть, самый опасный из всех, какие можно принять, и наиболее открыто противоречащий основным законам общества. Не только не должен один-единственный погибать ради всех, но, более того, все обязуются своим имуществом (41) и своей жизнью защищать каждого из них так, чтобы слабость отдельного человека всегда была защищена общественною силою, а каждый член Государства - всем Государством. Мысленно отторгните от народа одного индивидуума за другим, а затем заставьте сторонников этого принципа получше объяснить, что они понимают под Организмом Государства, и вы увидите, что, в конце концов, они сведут Государство к небольшому числу людей, которые не суть народ, но служители народа и которые, обязавшись особою клятвою погибнуть сами ради его безопасности, пытаются этим доказать, что он должен погибать во имя их безопасности.

Хотите найти примеры той защиты, которую Государство обязано оказывать своим членам, и того уважения, которое оно обязано оказывать их личности? Лишь у знаменитейших и храбрейших наций земли следует искать эти примеры, и только свободные народы знают, что стоит человек. В Спарте - известно в каком замешательстве пребывала вся Республика, когда вопрос шел о том, чтобы наказать одного виновного гражданина. В Македонии - казнь человека была делом столь важным, что, при всем величии Александра (42), этот могущественный монарх не решался хладнокровно приказать умертвить преступника македонца до тех пор, пока обвиняемый не предстал перед своими согражданами, чтобы себя защитить, и не был ими осужден. Но римляне превосходили все другие народы в уважении, которое у них Правительство оказывало отдельным людям, и в скрупулезном внимании к соблюдению неприкосновенных прав всех членов Государства. Не было у них ничего столь священного, как жизнь простых граждан; требовалось собрание всего народа, не менее, чтобы осудить одного из них. Даже сам Сенат и Консулы при всем их огромном значении не имели на это права; и у могущественнейшего народа в мире преступление и наказание гражданина было общественным несчастьем. Может быть, именно потому, что римлянам казалось столь жестоким проливать кровь за какое бы то ни было преступление, по закону Porcia* смертная казнь была заменена изгнанием для всех тех, кто согласился бы пережить потерю столь сладостного отечества. Все дышало в Риме и в армиях этою любовью сограждан друг к другу и этим уважением к имени римлянина, которое поднимало дух и возбуждало доблесть у каждого, кто имел честь носить это имя. Шапка гражданина, освобожденного из рабства, гражданский венок того, кто спас жизнь другому, -

вот на что взирали с наибольшим удовлетворением среди всего великолепия триумфов (43); и следует отменить, что из венцов, которыми награждали на войне за прекрасные деяния, лишь гражданский венок и венок триумфаторов были из травы и листьев: все остальные были только золотыми. Так Рим стал добродетельным, и так он стал владыкою мира. Честолюбивые правители! Пастух управляется со своими собаками и стадами, а ведь он лишь последний из людей. Если повелевать - это прекрасно, то лишь при условии, что те, кто нам повинуются, могут сделать нам честь. Уважайте же ваших сограждан, и вы сами сделаетесь достойными уважения; уважайте свободу, и ваше могущество будет с каждым днем возрастать; не превышайте никогда своих прав, и вскоре они станут безграничны.

_____

* Порция (Порций) (44) (лат.).

Пусть же родина явит себя общей матерью граждан; пусть выгоды, коими пользуются они в своей отчизне, сделает ее для них дорогою; пусть Правительство оставит им в общественном управлении долю, достаточную для того, чтобы они чувствовали, что они у себя дома; и пусть законы будут в их глазах лишь поручительством за общую свободу. Эти права, сколь они ни прекрасны, принадлежат всем людям, но злая воля правителей легко сводит на нет их действие даже тогда, когда она, казалось бы, не посягает на них открыто. Закон, которым злоупотребляют, служит могущественному одновременно и наступательным оружием, и щитом против слабого; предлог "общественное благо" - это всегда самый опасный бич для народа. Самое необходимое и, быть может, самое трудное в Правлении это - строгая неподкупность, чтобы всем оказать справедливость и в особенности, чтобы бедный был защищен от тирании богатого. Самое большое зло уже свершилось, когда есть бедные, которых нужно защищать, и богатые, которых необходимо сдерживать. Только в отношении людей со средним достатком законы действуют со всей своей силой. Они в равной мере бессильны и против сокровищ богача и против нищеты бедняка: первый их обходит, второй от них ускользает; один рвет паутину, а другой сквозь нее проходит.

Вот почему одно из самых важных дел правительства - предупреждать чрезмерное неравенство состояний, не отнимая при этом богатств у их владельцев, но лишая всех остальных возможности накапливать богатства, не воздвигая приютов для бедных, но ограждая граждан от возможности превращения в бедняков. Люди неравномерно расселяются по территории Государства и скопляются в одном месте, в то время как другие места безлюдеют; искусства увеселительные и прямо мошеннические поощряются за счет ремесел полезных и трудных (45), земледелие приносится в жертву торговле; откупщик становится необходимой фигурой лишь вследствие того, что Государство плохо управляет своими финансами; наконец, продажность доходит до таких крайностей, что уважение определятся числом пистолей и даже доблести продаются за деньги таковы самые ощутимые причины изобилия и нищеты, подмены частною выгодою выгоды общественной, взаимной ненависти граждан, их безразличия к общему интересу, развращения народа и ослабления всех пружин Правления. Таковы, следовательно, беды, которые трудно облегчить, когда они дают себя чувствовать, но которые должно предупреждать мудрое управление, дабы сохранять наряду с добрыми нравами уважение к законам, любовь к отечеству и непреложность общей воли.

Все эти предосторожности будут, однако, недостаточны, если не взяться за них еще более заблаговременно. Я кончаю эту часть общественной экономии тем, с чего я должен был начать. Родина не может существовать без свободы, свобода без добродетели, добродетель без граждан. У вас будет все, если вы воспитаете граждан; без этого у вас все, начиная с правителей Государства, будут лишь жалкими рабами. Однако воспитать граждан - это дело не одного дня, и, чтобы иметь граждан-мужей, нужно наставлять их с детского возраста. Пусть не говорят мне, что тот, кто должен управлять людьми, не может добиваться от них совершенства, которое им несвойственно от природы и им недоступно, что он не должен и пытаться уничтожить в них страсти, и что выполнение подобного замысла было бы скорее желательно, чем возможно. Я соглашусь со всем этим тем более, что человек, вовсе

лишенный страстей, был бы, конечно, очень дурным гражданином (46). Но следует также согласиться с тем, что если только не учить людей вообще ничего не любить, то возможно научить их любить одно больше, чем другое, и любить то, что действительно прекрасно, а не то, что безобразно. Если, к примеру, учить граждан с достаточно раннего возраста всегда рассматривать свою собственную личность не иначе, как с точки зрения ее отношений с Государством в целом, и смотреть на свое собственное существование лишь, так сказать, как на часть существования Государства (47), то они смогут в конце концов прийти к своего рода отождествлению себя с этим большим целым, почувствовать себя членами отечества, возлюбить его тем утонченно-сильным чувством, которое всякий отдельный человек испытывает лишь по отношению к самому себе; они смогут возвышать постоянно свою душу до этой великой цели и превратить, таким образом, в возвышенную добродетель сию опасную склонность, из которой рождаются все наши пороки. Не одна только философия доказывает возможность воспитания этих новых наклонностей, но и история приводит тому тысячи ярких примеров; если они среди нас столь редки, то потому лишь, что никто не заботится о том, чтобы у нас были настоящие граждане, и потому, что еще меньше беспокоятся о том, чтобы взяться достаточно рано за их воспитание. Уже не время изменять наши естественные наклонности, когда они начали развиваться и когда привычка соединяется с самолюбием; уже не время спасать нас от самих себя, когда человеческое "Я", однажды поселившись в наших сердцах, начало там эту достойную презрения деятельность, которая поглощает всю добродетель и составляет всю жизнь людей с мелкой душою. Как могла бы зародиться любовь к отечеству среди стольких иных страстей, которые ее заглушают? и что остается для сограждан от сердца, поделенного между скупостью, любовницей и тщеславием?

С первой минуты жизни надо учиться быть достойными жить, и подобно тому, как рождаясь, мы уже тем самым приобретаем права граждан, так миг нашего рождения должен быть и началом отправления наших обязанностей. Если есть законы для зрелого возраста, должны быть законы для детства, которые должны учить ребенка повиноваться другим (48), и, если мы не делаем разум каждого отдельного человека единственным судьею его обязанностей, тем менее можно предоставить познаниям и предрассудкам отцов воспитание их детей, так как это для Государства еще важнее, чем для отцов. Ибо, по естественному ходу вещей, смерть отца часто скрывает от него последние плоды воспитания, отечество же рано или поздно почувствует результат воспитания (49). Государство остается, а семья распадается. Если же публичная власть, занимая место отцов и возлагая на себя эту важную обязанность, получает их права, выполняет их обязанности, то у отцов остается тем менее поводов на это жаловаться, что в этом отношении они только изменяют свое название; и они будут иметь, называясь все вместе "гражданами", такую же власть над своими детьми, какую они имели каждый в отдельности, называясь "отцами", и когда они будут говорить от имени Закона, дети окажут им не меньшее повиновение, чем тогда, когда они говорили с ними от имени самой природы. Общественное воспитание в правилах, предписываемых Правительством, и под надзором магистратов, поставленных сувереном, есть, таким образом, один из основных принципов Правления народного или осуществляемого посредством законов (50). Если дети воспитываются вместе в условиях равенства, если они впитали в себя уважение к законам Государства и к принципам общей воли, если они научены уважать эти законы и принципы превыше всего; если окружены они примерами и предметами, кои беспрестанно говорят им о нежной матери, их питающей, о любви, которую она к ним испытывает, о бесценных благах, кои они от нее получают, и о том, чем они ей обязаны со своей стороны, то не будем сомневаться в том, что так они научатся нежно любить друг друга, как братья, желать всегда только того, чего хочет общество, научатся вместо бесплодной и пустой болтовни софистов совершать деяния, достойные мужей и граждан, и станут со временем защитниками и отцами того отечества, коего детьми они столь долго были. Я не буду вовсе говорить о магистратах, призванных руководить этим воспитанием, которое, несомненно, есть наиважнейшее дело Государства. Понятно, что если бы такие

знаки общественного доверия давались без разбора, если бы эта возвышенная обязанность не была для тех, которые достойно исполнили бы все прочие обязанности, наградою за их честные труды, сладостной утехою их старости и вершиною (51) всех оказанных им почестей, все предприятие было бы бесполезным, а воспитание - безуспешным, ибо повсюду, где урок не подкрепляется авторитетом, а предписание - примером, образование остается бесплодным, и сама добродетель теряет свой вес в устах того, кто не поступает добродетельно. Но пусть прославленные воины, склонясь под бременем своих лавровых венков, проповедуют мужество, пусть неподкупные магистраты, поседевшие в своих пурпурных мантиях и в трибуналах, научают справедливости, таким образом и те, и другие воспитают себе добродетельных преемников и будут передавать из века в век грядущим поколениям опыт и таланты правителей, мужество и добродетель граждан и общее всем соревнование в умении жить и умереть во имя отечества. Я знаю лишь три народа, которые прежде осуществляли общественное воспитание, именно критяне, лакедемоняне и древние персы (52); у всех трех оно имело величайший успех, а у двух последних совершило чудеса (53). Когда мир оказался разделенным на нации, слишком многочисленные, чтобы ими можно было хорошо управлять, это средство стало уже неосуществимым, и еще иные причины, которые читатель сам легко может увидеть, помешали сделать попытку осуществить такое воспитание у какого-либо народа новых времен. Весьма примечательно, что римляне смогли обойтись без общественного воспитания, но Рим в течение пятисот лет непрерывно был таким чудом, какое мир не должен надеяться увидеть еще раз. Добродетель римлян, порожденная отвращением к тирании и к преступлениям тиранов и врожденною любовью к отечеству, превратила все их дома в школы граждан, а безграничная власть отцов над своими детьми внесла такую строгость нравов в распорядок жизни частных лиц, что отец, внушающий еще больший страх, чем магистраты, был в своем домашнем суде цензором нравов и стражем законов.

Так Правительство, внимательное и имеющее добрые намерения, непрестанно следящее за тем, чтобы поддерживать и оживлять у народа любовь к отечеству и добрые нравы, задолго предупреждает те беды, которые наступают рано или поздно как следствие безразличия граждан к судьбе Республики, и удерживает в тесных пределах те личные интересы, которые настолько разобщают отдельных людей, что Государство, в конце концов, ослабляется из-за их могущества, и ему нечего ждать от их доброй воли. Повсюду, где народ любит свою страну, уважает законы и живет просто, остается сделать совсем немного, чтобы составить его счастье; и в общественном управлении, где слепой случай играет меньшую роль, чем в судьбе отдельных людей, мудрость столь близка к счастью, что эти две вещи сливаются.

III. Недостаточно иметь граждан и защищать их, нужно подумать еще о их пропитании; и удовлетворение общественных нужд, очевидным образом связанное с общей волей, - это третья существенная обязанность Правительства. Сия обязанность состоит, как это легко можно понять, не в том, чтобы наполнять амбары частных лиц и избавлять их от труда, но в том, чтобы сделать для них изобилие настолько доступным, что труд для этого будет всегда необходим и никогда не бесполезен (54). Эта обязанность распространяется также на все действования, кои касаются до содержания фиска в порядке и до расходов общественного управления. Вот почему, после того как мы сказали об общей экономии по отношению к руководству людьми, нам остается рассмотреть сию экономию по отношению к управлению имуществом (55). Эта часть представляет не менее трудностей для разрешения и не менее противоречий для устранения, нежели предыдущая. Несомненно, что право собственности - это самое священное из прав граждан и даже более важное в некоторых отношениях, чем свобода: потому ли, что оно теснее всего связано с сохранением жизни; потому ли, что имущество легче захватить и труднее защищать, чем личность, и в силу этого следует больше уважать то, что легче похитить; либо, наконец, потому, что собственность - это истинное основание гражданского общества и истинная порука в обязательствах граждан, ибо если бы имущество не было залогом за людей, то не было бы ничего легче, как

уклониться от своих обязанностей и насмеяться над законами. С другой стороны, не менее бесспорно, что содержание Государства и Правительства требует расходов и издержек, и так как всякий, кто приемлет цель, не может отказаться от средств ее достижения, то отсюда следует, что члены общества должны из своих средств участвовать в расходах по его содержанию. К тому же, с одной стороны, трудно обеспечивать безопасность собственности частных лиц, не затрагивая ее с другой, и невозможно, чтобы все регламенты, определяющие порядок наследовании, завещаний, контрактов, не стесняли граждан в некоторых отношениях в распоряжении их собственным имуществом и, следовательно, в их праве собственности.

Но кроме того, что я сказал выше о согласии, которое царит между силою Закона и свободою гражданина, надо, в отношении распоряжения имуществом граждан, сделать одно важное замечание, которое сразу разрешает многие трудные вопросы. Оно состоит в том, как показал Пуфендорф (56), что по своей природе право собственности не распространяется за пределы жизни собственника, и в тот момент, когда человек умер, его имущество уже более ему не принадлежит. Таким образом предписывать ему условия, на которых он может им распоряжаться, означает, в сущности, не столько изменить его право по видимости, сколько расширить его в действительности.

В общем, хотя установление законов, определяющих права частных лиц в распоряжении их собственным имуществом, принадлежит лишь суверену, дух этих законов, коему Правительство должно следовать в их применении, состоит в том, что, переходя от отца к сыну и от одного родственника к другому, имущество должно сколь можно менее уходить из семьи и отчуждаться из нее. Тому есть ощутимое основание в пользу детей: для них право собственности было бы весьма бесполезно, если бы отец им не оставлял ничего; кроме того, дети нередко сами содействовали своим трудом приобретению имущества отца и, стало быть, сами приобщились к его праву. Но есть и другое соображение, более отдаленное и не менее важное: ничего нет более гибельного для нравов и для Республики, чем постоянные изменения положения и состоятельности граждан; изменения эти суть подтверждение и источник тысячи беспорядков, которые все опрокидывают и смешивают; в итоге те, которые воспитываются для одного, оказываются предназначенными для другого (57), и ни те, которые возвышаются, ни те, которые падают, не могут усвоить ни правил, ни познаний, подобающих их новому состоянию, и еще гораздо менее того способны выполнять обязанности этого состояния. Теперь я перехожу к предмету общественных финансов.

Если бы народ сам собою управлял и если бы не было ничего посредствующего между управлением Государством и гражданами, им оставалось бы лишь устраивать складчину в случае необходимости, в соответствии с общественными нуждами и возможностями отдельных лиц, и так как каждый никогда не терял бы из виду ни то, как собираются, ни то, как используются собранные средства, то не оставалось бы здесь места для обманов и злоупотреблений; Государство никогда не было бы обременено долгами, а народ - налогами, или, по крайней мере, уверенность в правильности пользования средств примиряла бы с суровостью обложения. Но дела не могли бы идти таким образом, и каким бы ограниченным в своих размерах ни было Государство, гражданское общество в нем всегда слишком многочисленно, чтобы им могли править все его члены (58). Совершенно необходимо, чтобы общественные средства проходили через руки управителей, которые, кроме государственного интереса, имеют и свой частный интерес, к коему они прислушиваются не в последнюю очередь. Народ, который, со своей стороны, замечает не столько общественные нужды, сколько жадность начальников и безумные их траты, ропщет, видя себя лишенным необходимого ради того, чтобы доставить другим излишнее, и когда эти злоухищрения ожесточат его однажды до определенной степени, самое неподкупное управление не сможет восстановить к себе доверия. Тогда, если отчисления добровольны, они не дают ничего, если они вынуждены, они незаконны; и в этой жестокой альтернативе: дать погибнуть Государству или посягнуть на священное право собственности, которое есть опора Государства, состоит трудность справедливой и мудрой экономии (59).

Первое, что должен сделать после установления законов основатель учреждений Республики (60), это - найти фонды, достаточные для содержания магистратов и прочих чиновников и для покрытия всех общественных расходов. Эти фонды называются "эрариум" или "фиск", если они в деньгах, "общественный домен", если они в землях; и эти последние намного предпочтительнее первых по причинам, которые нетрудно увидеть. Всякий, кто достаточно поразмыслит над этим вопросом, вряд ли сможет в этом отношении разойтись в мнениях с Бодэном (61), который рассматривает общественный домен как наиболее основательное и наиболее надежное из средств обеспечения нужд Государства, и следует отметить, что первою заботою Ромула (62) при разделе земель было выделить треть из них для этой цели. Я признаю возможность того, чтобы продукт домена, которым плохо управляют, свелся к нулю, но сама сущность домена вовсе не такова, что он должен плохо управляться.

До того, как такие фонды получают то или иное употребление, они должны быть ассигнованы или утверждены собранием народа или Штатов страны; это собрание должно затем определить, как они будут употреблены. После этой торжественной процедуры, которая делает эти фонды неотчуждаемыми, они, так сказать, изменяют свою природу, и доходы от них становятся столь священны, что отвлечь хоть малейшую часть их во вред их назначению - это не только самое позорное из всех хищений, но и преступление оскорбления величества. Великий позор для Рима, что неподкупность квестора Катона (63) могла быть там особо отмечена и что император, вознаграждая несколькими монетами талант певца, счел необходимым добавить, что это деньги из имущества его семьи, а не из государственного имущества. Но если мало находится Гальб (64), где искать нам Катонов? И когда порок уже не позорит, - найдутся ли правители столь щепетильные, чтобы не позволить себе прикоснуться к общественным доходам, предоставленным их попечению, такие правители, которые не стали бы уже вскоре обманывать самих себя, притворяясь, что они в самом деле смешивают свои пустые и скандальные раздоры со славою Государства, а средства для распространения своей власти со средствами увеличения его мощи. Вот в этой-то щекотливой части управления и является единственным действенным орудием добродетель, а неподкупность магистрата - единственною уздою, способною сдерживать его алчность. Книги и все счета управителей служат не столько для выявления их недобросовестности, сколько для ее сокрытия; предусмотрительность же никогда не бывает столь же находчивою в изобретении новых предосторожностей, сколь изобретательно плутовство в том, чтобы их обойти. Оставьте же все реестры и бумаги и передайте финансы в верные руки: это - единственное средство для того, чтобы ими верно управляли. Когда общегосударственные фонды уже созданы в установленном порядке, правители Государства - это по праву их распорядители, ибо распоряжение средствами составляет часть управления, часть существенную всегда, хотя и не всегда в равной степени. Влияние этой части увеличивается по мере того, как уменьшается влияние прочих движущих сил, и можно сказать, что Правительство достигло последней степени разложения, когда у него нет другого движителя, кроме денег. А так как всякое Правление непрестанно стремится к расслаблению, то уже это основание само по себе объясняет, почему ни одно Государство не может существовать, если его доходы не увеличиваются непрестанно. Как только появляется ощущение необходимости такого увеличения, - это уже и первый признак внутреннего беспорядка в Государстве. И мудрый управитель, думая о том, как добыть денег, чтобы удовлетворить насущную нужду, не пренебрегает поисками отдаленной причины этой новой нужды, как моряк, который, видя, что вода заливает его корабль, приказывая пустить в ход помпы, не забывает приказать найти и заделать пробоину.

Из этого правила вытекает самый важный принцип управления финансами, именно: гораздо более усердно трудиться над тем, чтобы предупреждать нужды, чем над тем, чтобы увеличивать доходы. Какие бы старания ни прилагались, помощь, которая приходит лишь после беды и медленнее, чем беда, всегда заставляет страдать Государство: пока думают о том, как бороться с одним злом, уже дает себя знать другое, и вновь изысканные средства

уже сами вызывают новые затруднения, так что, в конце концов, нация обременяется долгами, народ угнетается, Правительство теряет всю свою силу и делает уже лишь немного, тратя много денег. Я полагаю, что из этого великого принципа, когда он был твердо установлен, вытекали чудеса древних Правлений, которые делали больше своею бережливостью, чем наши Правления с помощью всех своих богатств, и, быть может, отсюда произошло народное понимание слова экономия, которое подразумевает скорее разумное, бережное обращение с тем, что имеется, чем средства приобрести то, чего нет.

Оставляя в стороне общественный домен, который приносит Государству доходы в размере, определяющемся честностью тех, кто им управляет, мы были бы поражены, если бы сумели оценить в достаточной мере силы общего государственного управления, особенно тогда, когда оно пользуется только законными средствами, увидев, как много могут сделать правители для обеспечения общественных нужд, не посягая на имущество частных лиц. Так как правители - хозяева всей торговли в Государстве, то ничего нет для них легче, как направлять торговлю таким образом, чтобы обеспечить все, часто даже, по видимости ни во что не вмешиваясь. Распределение продуктов питания, денег и товаров в правильных соотношениях, сообразно времени и месту - вот подлинный секрет управления финансами и источник богатства, если только те, которые управляют финансами, умеют глядеть достаточно далеко и допускать в случае надобности кажущиеся убытки в ближайшее время, чтобы получить на деле огромные прибыли в отдаленном будущем. Когда видишь, что какое-нибудь Правительство, вместо того, чтобы взимать пошлины, платит премии за вывоз хлеба в урожайные годы и за поставку хлеба в годы неурожайные (65), то поверить истинности этих фактов можно лишь тогда, когда убеждаешься в этом своими собственными глазами; эти же факты отнесли бы к романам, если бы они произошли в древности. Предположим, что для предупреждения голода в неурожайные годы было бы предложено устроить общественные склады (66): в скольких странах содержание учреждения столь полезного послужило бы предлогом для введения новых податей! В Женеве эти амбары, устроенные и содержащиеся мудрою администрацией, составляют общественные запасы в голодные годы и основной доход Государства во все времена. Alit et ditat* эту прекрасную и справедливую надпись можно прочитать на фасаде здания. Чтобы изложить здесь экономическую систему хорошего Правления, часто обращал я взор к Правлению этой Республики: я счастлив, что нахожу в моем отечестве пример такой мудрости и такого преуспеяния, царство которых я желал бы видеть во всех странах! _____ * Питает и насыщает (лат.).

Если мы рассмотрим, как возрастают потребности Государства, мы увидим, что происходит это почти так же, как у отдельных людей: не столько в результате подлинной необходимости, сколько в результате роста бесполезных желаний; и часто расходы увеличивают лишь для того, чтобы иметь предлог увеличить сборы, так что Государство иногда выиграло бы, если бы обходилось без богатства, и это кажущееся богатство для него по сути более обременительно, чем сама бедность. Можно, правда, надеяться сделать подданных более зависимыми, давая им одной рукою то, что взято у них другою, и это была бы политика, которую Иосиф (67) применял по отношению к египтянам. Но этот пустой софизм тем более пагубен для Государства, что деньги не возвращаются в те же руки, из которых они вышли, и, исходя из подобных принципов, мы обогащаем лишь бездельников тем, что отбираем у людей полезных (68).

Вкус к завоеваниям - это одна из наиболее наглядных и наиболее опасных причин такого увеличения расходов. Сей вкус, порожденный нередко честолюбием совсем иного рода, чем то, о котором он, казалось бы, возвещает, не всегда таков, каким он кажется, и подлинная побудительная причина здесь - не столько мнимое желание возвеличить нацию, сколько тайное желание увеличить внутри страны власть правителей посредством умножения численности войск и отвлечения умов граждан от других забот к военным делам.

И только то, по меньшей мере, вполне достоверно, что нет на свете ничего столь попираемого и столь несчастного и ничтожного, как народы-завоеватели, и даже сами их

успехи лишь увеличивают их несчастия. Если б даже не учила нас тому история, сам разум наш подсказал бы нам, что чем обширнее Государство, тем больше, в полном соответствии с этим, и обременительнее расходы такого Государства, ибо нужно, чтобы все провинции внесли свою долю на расходы по содержанию общего государственного управления, и чтобы каждая провинция, кроме того, расходовала на содержание своего особого управления такую же сумму, как если бы она была самостоятельною. Добавьте к тому, что все состояния создаются в одном месте, а потребляются в другом - это вскоре нарушает равновесие между производством и потреблением и истощает многие области ради обогащения одного единственного города.

И вот другая причина увеличения потребностей общества, которая тесно связана с предыдущею. Может наступить время, когда граждане, уже не считая себя больше людьми, заинтересованными в общем деле, перестанут быть защитниками отечества, и когда магистраты предпочтут командовать наемниками, а не свободными людьми, пусть даже только для того, чтобы при случае использовать первых, дабы лучше подчинить себе вторых. Таково было положение Рима к концу Республики и при императорах, ибо все победы первых римлян так же, как и победы Александра (69), были одержаны храбрыми гражданами, которые умели в случае необходимости проливать свою кровь за отечество, но которые никогда ее не продавали. Лишь при осаде Вей начали платить римской пехоте (70), и Марий был первым, кто во время Югуртинской войны (71) обесчестил легионы, введя в них вольноотпущенников, бродяг и прочих наемников. Став врагами тех народов, которые они брались сделать счастливыми, тираны расположили здесь свои регулярные войска якобы для того, чтобы сдерживать чужеземцев, а на самом деле, дабы угнетать жителей. Для создания таких войск нужно было оторвать от земли землепашцев; нехватка этих последних вызвала уменьшение количества съестных припасов, а содержание таких войск вызвало введение налогов, которые увеличивали стоимость сих припасов. Это первое неустройство вызвало ропот народов. Для того, чтобы подавить это сопротивление, надо было увеличить численность войск и, следовательно, нищету; и чем больше возрастало отчаяние, тем больше приходилось его еще усугублять, дабы предупредить его последствия. С другой стороны, эти наемники, коих можно было оценивать по той цене, за которую они сами себя продавали, гордые своим унижением, презирали законы, их защищавшие, и своих братьев, чей хлеб они ели, они почли для себя за большую честь быть телохранителями Цезаря (72), чем защитниками Рима, и они-то, обреченные на слепое повиновение, держали, по самому своему положению в Государстве, кинжал занесенным над своими согражданами и были готовы уничтожить всех по первому знаку. Нетрудно было бы показать, что вот это и было одною из главных причин разрушения Римской империи.

Изобретение артиллерии и укреплений заставило в наши дни властителей Европы восстановить применение регулярных войск для защиты своих городов, но, при наличии более законных оснований, приходится все же опасаться, чтобы результат не оказался в такой же степени гибельным. Не меньше придется обезлюдить деревни, чтобы сформировать армии и гарнизоны: чтобы их содержать, придется не меньше попирать народы, и эти опасные нововведения вырастают с некоторого времени с такою быстротою во всех наших странах, что можно предвидеть лишь грядущее запустение Европы и, рано или поздно, разорение тех народов, которые ее населяют.

Как бы то ни было, нельзя не увидеть, что подобные установления неизбежно опрокидывают ту правильную экономическую систему, которая извлекает главный доход Государства из общественного домена, и оставляют лишь столь пагубные средства, как субсидии и налоги, о которых мне и остается теперь сказать.

Здесь следует вновь вспомнить, что основанием общественного соглашения является собственность, и его первое условие состоит в том, чтобы каждому обеспечивалось мирное пользование тем, что ему принадлежит (73). Правда, по тому же договору каждый, хотя бы и молчаливо, обязуется вносить свою долю на общие нужды. Но это обязательство не должно ущемлять основной закон, и если даже предположить, что сами вносящие средства признали

очевидную необходимость расходов, - ясно, что складчина, для того чтобы она была законною, должна быть добровольной. Добровольной не в соответствии с частной волей, - как если бы было необходимо иметь согласие каждого гражданина и каждый должен был вносить лишь столько, сколько ему угодно, что открыто противоречило бы самому духу конфедерации, - но в соответствии с общей волей, с большинством голосом и при соблюдении такой пропорциональной раскладки, которая не оставляла бы места для произвола при обложении (74).

Эта истина, что налоги не могут быть установлены законным образом иначе, как с согласия народа или его представителей (75), была признана всеми без исключения философами и законоведами, приобретшими какой-либо авторитет в вопросах государственного права, не исключая самого Бодэна (76). Если некоторые установили принципы, по внешности противоположные, то помимо того, что нетрудно увидеть частные причины, которые их к тому побудили, они вносят сюда столько условий и ограничений, что, в сущности, дело сводится к тому же самому. Ибо, то - может ли народ отказывать, либо должен ли государь требовать - безразлично для права; если же речь идет лишь о силе, то делом самым бесполезным было бы рассматривать, что законно, а что нет.

Обложения, которым подвергается народ, бывают двух видов: одно вещественное, которое взимается с имущества, другое - личное, которое вносится с головы. И тем, и другим дается название налогов или субсидий: когда народ устанавливает сумму, которую он предоставляет, она называется субсидией; когда он предоставляет всю сумму обложения, тогда - это налог. Мы читаем в книге "О духе законов" (77), что обложение с головы более свойственно состоянию рабства, а обложение вещей более подобает состоянию свободы. Это было бы неоспоримо, если бы размер сборов с головы был одинаков, ибо не было бы ничего более непропорционального, чем подобное обложение, а дух свободы как раз и состоит в точном соблюдении пропорций. Но если поголовное обложение в точности пропорционально средствам отдельных лиц, - каким могло быть обложение, которое во Франции носит название подушного и которое, таким образом, падает одновременно на вещи и на людей, - то оно является самым справедливым и, следовательно, самым подходящим для свободных людей (78). Эти пропорции, как может показаться сначала, легко соблюдать, так как они соответствуют положению, которое каждый занимает в обществе, а каково это положение, всем известно. Но мало того, что скупость, влияние и обман способны исказить все вплоть до очевидного, - при этих расчетах редко учитывают все составные части, которые должны в них входить. Во-первых, следует учитывать соотношение количеств, в соответствии с которым, при всех равных условиях, тот, у кого в десять раз больше имущества, чем у другого, должен платить в десять раз больше. Во-вторых, соотношение в потреблении, т. е. различие между необходимым и избыточным (79). Тот, у кого есть лишь самое необходимое, не должен вообще ничего платить; обложение имеющего избыток может составлять в случае необходимости все то, что есть у него сверх необходимого (80). На это он скажет, что при его положении то, что было бы излишним для человека, ниже его стоящего, для него необходимо. Но это - ложь, ибо у вельможи две ноги, как и у волопаса, и так же, как у того, только один желудок Более того, это так называемое необходимое столь мало необходимо для его положения, что если бы он сумел от него отказаться ради какого-нибудь похвального дела, то заслужил бы только еще большее уважение. Народ пал бы ниц перед министром, который идет в Совет пешком, потому что он продал свои кареты, когда Государство испытывало крайнюю нужду. В конце концов Закон не предписывает никому роскошествовать, а то, что благопристойно, никогда не бывает доводом против права.

Третье соотношение, которого никогда не учитывают, а оно должно было бы считаться первым - это соотношение пользы, которую каждый извлекает из общественной конфедерации, весьма усердно защищающей огромные владения богача и едва позволяющей несчастному бедняку пользоваться хижиною, которую он построил своими руками. Все выгоды общества - разве они не для могущественных и богатых? разве не они одни занимают

все доходные должности? разве не им одним предоставлены все милости, все льготы? и разве не в их пользу действует вся публичная власть? Если влиятельный человек обкрадывает своих кредиторов или совершает иные мошенничества, разве не уверен он всегда в своей безнаказанности? Палочные удары, которые он раздает, насилия, которые он совершает, сами смерти и убийства, коих он виновник - разве такие дела не стараются замять, так что уже через шесть месяцев о них нет и речи? Если же обворовали такого человека, всю полицию сразу же ставят на ноги, и горе невинным, на которых бросит он подозрение! Проезжает он через опасное место - уже готовы эскорты; сломается его экипаж - все летят к нему на помощь; послышится шум у его дверей, он скажет лишь слово - и все умолкает; обеспокоит его чем-нибудь толпа, он делает знак - и все успокаивается; окажется на его пути возчик - его люди готовы убить этого возчика; и скорее будет раздавлено пятьдесят почтенных людей, идущих пешком по своим делам, чем будет задержан один какой-нибудь наглый бездельник, едущий в своем экипаже. Все эти знаки уважения не стоят ему ни одного су, они - право богатого человека, а не оплачиваются им своим богатством. И как меняется картина, когда речь идет о бедняке! Чем больше обязано ему человечество, тем в большем отказывает ему общество. Для него закрыты все двери, даже когда он вправе потребовать их открыть, и если иногда он добивается справедливости, то с большим трудом, чем другой получил бы милость. Если нужно выполнять повинности, набирать ополчение, - именно ему отдают предпочтение; он всегда несет, кроме своего бремени, еще и то бремя, от которого его более богатый сосед в состоянии себя освободить. При малейшем несчастии, которое с ним случается, все от него отворачиваются; если жалкая его тележка опрокидывается, то мало того, что никто не приходит ему на помощь, я считаю его счастливым, если он при этом избежит оскорблений со стороны скорой на руку челяди какого-нибудь молодого герцога. Одним словом, всякая безвозмездная подмога бежит его, когда он в нужде, именно потому, что ему нечем за нее платить, но я могу считать его человеком погибшим, если, на его несчастье, у него честная душа, миленькая дочь и могущественный сосед.

Не менее важно обратить внимание еще на одно обстоятельство, а именно: убытки бедняков гораздо труднее возместить, чем убытки богача, и трудность приобретения всегда возрастает по мере того, как растет потребность. Ничто не творится из ничего - это верно в делах, как и в физике: деньги - это семена денег, и иногда труднее заработать первый пистоль, чем второй миллион. Более того: то, что платит бедный, навсегда для него потеряно и остается в руках богача или к нему возвращается, а так как одним только людям, которые принимают участие в Управлении, или тем, которые к нему приближены, идет рано или поздно вся сумма налогов, то они, даже платя свою долю, весьма заинтересованы в том, чтобы налоги увеличивались.

Резюмируем в нескольких словах сущность общественного договора людей двух состояний: "Вы во мне нуждаетесь, ибо я богат, а вы бедны; заключим же между собой соглашение: я позволю, чтобы, вы имели честь мне служить при условии, что вы отдадите мне то немногое, что вам остается, за то, что я возьму на себя труд приказывать вам" (81).

Если все это тщательно собрать воедино, то мы обнаружим, что для того, чтобы обложение было справедливым и действительно пропорциональным, оно должно производиться не только в соответствии с размером имущества плательщиков, а на основе сложного соотношения различий в их положении и излишков их имуществ. Эта операция весьма важна и весьма затруднительна, а совершают ее повседневно толпы чиновников, почтенных людей, сведущих только в арифметике, тогда как Платоны и Монтескье не решились бы за нее взяться иначе, как с содроганием и только испросив предварительно у неба ниспослать им необходимые для того познания и беспристрастность.

Другое неудобство обложения людей состоит в том, что оно слишком ощутимо и что сбор взимается с чрезмерной строгостью. Это не означает, однако, что оно не оставляет места для значительных недоборов, так как легче скрыть от податного списка и от преследований свою голову, чем имущество.

Из всех прочих видов обложения "цензива", или "поземельная талья" (82), всегда считалась наиболее выгодною в тех странах, где больше придают значения сумме сбора и надежности взимания, нежели степени стеснения народа (83). Осмеливались даже говорить, что нужно возложить на крестьянина большее бремя, чтобы пробудить его от лени, и что он ничего не делал бы, если бы ему не нужно было ничего платить. Но опыт опровергает в отношении всех народов этот смехотворный принцип во всех случаях: в Голландии, в Англии, где землепашец платит очень мало, и особенно в Китае, где он не платит ничего, там и земля лучше всего возделывается. Напротив, всюду, где землепашец оказывается обложенным пропорционально тому, сколько родит его поле (84), он забрасывает его или берет с него лишь ровно столько, сколько ему необходимо для жизни. Ибо для того, кто теряет плоды своего труда, не делать ничего означает оказаться в выигрыше, штрафовать же за труд - это весьма странный способ изгонять лень.

Из налога на землю или на зерно, особенно, когда он чрезмерен, проистекают два расстройства столь ужасные, что они должны в конечном счете непременно обезлюдить и разорить все страны, где он установлен.

Первое вытекает из недостатка денег в обращении, ибо торговля и промышленность притягивают в столицы все деньги деревни, а так как налог уничтожает ту соразмерность, которая могла бы еще иметь место между нуждами земледельца и ценою его зерна, деньги беспрестанно уходят и никогда не возвращаются: чем богаче город, тем беднее страна. То, что приносит обложение, переходит из рук государя или финансиста в руки тех, кто занимается ремеслом и торговлей, и земледелец, который всегда получает из этого лишь наименьшую часть, истощает, в конце концов, свои силы, платя все время столько же, а получая все меньше. Как жить человеку, если у него есть вены и нет никаких артерий, или если его артерии несут кровь лишь на расстояние в четыре пальца от сердца? Шарден говорит, что в Персии взимаемые царем налоги с продуктов питания выплачиваются также продуктами питания. Сей обычай, о существовании которого в этой стране в прошлом, до Дария (85), свидетельствует Геродот, может предупредить то зло, о котором я только что сказал. Но, если только в Персии интенданты, директора, чиновники и сторожа складов - люди не какого-то иного рода, чем повсюду в других местах, мне трудно поверить, что хоть малейшая часть этих продуктов доходит до царя, что хлеб не портится во всех амбарах и что большинство складов не уничтожается пожарами.

Второе расстройство возникает из того, что кажется преимуществом, а на деле только усугубляет бедствия еще до того, как они станут заметными. Оно состоит в том, что хлеб - это продукт, который налоги нисколько не удорожают в стране, производящей хлеб, и несмотря на его безусловную необходимость, количество его уменьшается, тогда как цена не увеличивается. Это приводит к тому, что люди умирают от голода, хотя хлеб не дорожает, и только земледелец остается обремененным таким налогом, который он не мог для себя уменьшить за счет цены хлеба при продаже. Нужно обратить внимание на то, что о поземельной талье нельзя судить так же, как об обложении всех товаров, потому что такое обложение повышает их цену и оно оплачивается, таким образом, не столько торговцами, сколько покупателями. Ибо такое обложение, сколь значительным оно бы ни было, все же устанавливается добровольно и оплачивается торговцем лишь в соответствии с купленными у него товарами, а так как этот последний покупает лишь столько, сколько он может продать, то он и диктует цену покупателю. Земледелец же, независимо от того, продает он или нет, вынужденный в определенные сроки платить за возделываемый им участок земли, никак не может ждать, пока за его продукт дадут желательную для него цену. И если бы он не продавал своего продукта, чтобы содержать самого себя, он был бы вынужден продавать этот продукт для того, чтобы уплатить талью, так что иногда именно непомерность обложения и поддерживает низкие цены на хлеб.

Заметьте, кроме того, что помощь со стороны торговли и промышленности не только не может сделать талью более терпимою, создавая изобилие денег, но делают ее еще более обременительной. Я не стану настаивать на том, что вполне очевидно, а именно: если

большее или меньшее количество денег в Государстве может дать ему больше или меньше кредита вовне, это никоим образом не меняет действительного достояния граждан и не делает их ни более, ни менее состоятельными (86). Но я сделаю следующие два важные замечания: первое - если только у Государства нет избытка продуктов питания и если изобилие денег не возникает от продажи этих продуктов за границей, то лишь те города, в которых идет торговля, ощущают такое изобилие, крестьянин же становится от этого лишь относительно беднее; второе - поскольку цены на все повышаются с увеличением количества денег в обращении, то приходится соответственно повышать налоги, так что земледелец оказывается более обремененным налогами, хотя у него не больше средств.

Должно видеть, что поземельная талья - это в действительности налог на произведения земли. Между тем каждый согласится, что нет ничего столь опасного, как налог на хлеб, если его платит покупатель; как же не видеть, что зло во сто раз горше, когда этот налог платит сам земледелец. Разве это не значит посягать на самую основу Государства до его истоков? разве это не значит действовать самым непосредственным образом так, чтобы страна обезлюдела и, следовательно, в конце концов, была совершенно разорена? Ибо для нации нет худшего голода, чем голод на людей.

Только подлинному государственному мужу дано в распределении налогов видеть нечто более важное, чем вопрос финансов: превратить обременительные повинности в полезные уставы управления и позволить народу надеяться, что такие установления имели своею целью скорее благо нации, нежели доход от обложения.

Пошлины на ввоз чужеземных товаров, до которых очень падки жители, хотя страна не имеет в них нужды; пошлины на вывоз товаров, производимых из местного сырья, из страны, которая не имеет их в избытке, но без которых не могут обойтись чужеземцы; пошлины на изделия ремесел и художеств бесполезных и слишком доходных; пошлины на ввоз в города вещей, служащих лишь целям украшения, и вообще на все предметы роскоши, отвечают этой двойной цели. А посредством таких налогов, которые облегчали бы положение бедного и ложились бы всей своею тяжестью на богатство, только и можно предупреждать постоянное увеличение неравенства состояний, порабощение богатыми массы работников и бесполезных слуг, умножение числа праздных людей в городах и бегство из деревень.

Важно установить между ценою вещей и пошлинами, которыми они облагаются, такое соотношение, чтобы, вследствие огромных размеров прибыли, отдельные люди в своей алчности не доходили до занятия контрабандою. Надо, кроме того, предупреждать легкость контрабанды, отдавая предпочтение таким товарам, которые труднее всего спрятать. Наконец, следует, чтобы налог платил скорее тот, кто использует вещь, облагаемую пошлиною, нежели тот, кто такую вещь продает; этого последнего размеры пошлины, которую он должен внести, ввели бы только в большее искушение и заставили стараться провезти такие вещи контрабандой. Таков неизменный обычай в Китае, в той стране мира, где налоги выше всего и где они лучше всего уплачиваются: торговец не платит там ничего, пошлину вносит только покупатель, и это не приводит ни к ропоту, ни к мятежам, так как продукты, необходимые для жизни, такие, как рис и хлеб, совершенно не облагаются и, следовательно, народ не притеснен, налог же падает лишь на людей состоятельных. Впрочем, все эти предосторожности должны диктоваться не столько боязнью контрабанды, сколько той заботой, которую Правительство должно уделять тому, чтобы оградить отдельных людей от соблазна незаконных прибылей, каковой соблазн, превратив их в плохих граждан, не замедлит превратить их в людей бесчестных.

Пусть установят большие налоги на содержание ливрейных слуг, на экипажи, зеркала, люстры и гарнитуры мебели, на дорогие материи и на золотое шитье, на дворы и сады при особняках, на всякого рода зрелища, на профессии таких бездельников, как шуты, певцы, скоморохи, одним словом, на всю эту массу предметов роскоши, забавы и праздности, которые всем бросаются в глаза и тем менее могут быть скрыты от нас, что единственное их назначение в том и состоит, чтобы себя показывать, и которые были бы бесполезны, если бы

не были на виду. И пусть не страшатся того, что подобный доход носил бы произвольный характер, поскольку он относится к предметам не первой необходимости. Полагать, что люди, единожды соблазнившись роскошью, смогут когда-либо от нее отказаться, значит плохо знать людей: они скорее сто раз откажутся от необходимого и предпочтут умереть от голода, чем от стыда. Увеличение трат будет лишь новым основанием к тому, чтобы продолжать эти траты, когда тщеславное желание казаться богатым обратит на пользу себе и цену вещи, и расходы на уплату налога. До тех пор, пока будут на свете богатые, они захотят отличаться от бедных, и Государство сможет создать себе доход менее всего обременяющий и более всего надежный, только лишь основываясь на этом различии.

По той же причине промышленности никак не придется страдать от такого экономического порядка, который обогатил бы финансы, оживил сельское хозяйство, облегчив бремя земледельца, и привел бы незаметно все состояния к тому среднему достатку, который составляет подлинную силу Государства. Могло бы случиться, я это признаю, что налоги способствовали бы более скорому исчезновению некоторых мод, но это означало бы только, что они заменяются другими, и от этого работник бы выиграл, а казна ничего бы не потеряла. Одним словом, предположим, что дух Правления состоит в том, чтобы подати всегда имели основою избыток богатств - тогда произойдет одно из двух: либо богатые откажутся от своих избыточных трат и будут совершать траты лишь полезные, которые вновь обратятся в пользу Государства, и тогда распределение налогов сделает то, к чему приводят лучшие законы против роскоши - расходы Государства неизбежно уменьшатся вместе с расходами частных лиц, и казна, таким образом, не потеряет от того, что получит меньше, так как расходование денег уменьшится еще значительнее; либо, если богатые нисколько не уменьшат свою расточительность, то казна получит из суммы налогов те средства, которые она искала, чтобы удовлетворить подлинные нужды Государства. В первом случае казна обогащается настолько, насколько уменьшаются ее расходы, во втором - она опять-таки обогащается на счет расходов частных лиц не на необходимое.

Добавим ко всему этому еще одно важное различие из области государственного права, которому Правительства, желающие все делать сами, должны были бы уделить большое внимание. Я говорил, что обложение людей и налоги на вещи самой первой необходимости, прямо посягающие на право собственности и, следовательно, на истинное основание политического общества, всегда влекут за собою опасные последствия, если они не устанавливаются с прямого согласия народа или его представителей. Ибо тогда человек вовсе не принужден платить, и его взнос может быть сочтен добровольным, так что особое согласие каждого из плательщиков дополняет общее согласие и даже, в некотором роде, предполагает такое согласие, ибо с какой стати народ будет противиться всякому обложению, которое ложится лишь на тех, кто согласен его платить? Это представляется мне несомненным: все, что не запрещается законами и не противоречит нравам, и может быть запрещено Правительством, - все это Правительством должно быть разрешено путем установления сбора. Если, к примеру, Правительство может запретить пользование каретами, оно может, с еще большим основанием, ввести налог на кареты: средство мудрое и полезное для того, чтобы осудить пользование ими, не приказывая, однако, сие прекратить. Тогда можно смотреть на налог, как на своего рода штраф, доход от которого возмещает то зло, которое этим штрафом наказуется. Кто-нибудь мне возразит, быть может, что так как те, которых Бодэн называет наглецами (87), т. е. те, кто налагают или выдумывают налоги, принадлежат к классу богатых, то они и не подумают освободить остальных от тягот за свой счет и возложить на самих себя это бремя, чтобы облегчить бремя бедняков. Но следует отбросить подобные мысли. Если бы в каждой нации те, кому суверен поручает управление подданными, были по своему положению их врагами, то не стоило бы вообще исследовать, что они должны делать, чтобы сделать их счастливыми.

КОММЕНТАРИИ

Статья эта впервые была напечатана в V томе "Энциклопедии", вышедшем в 1755 г. Отдельным изданием опубликована под названием "Гражданин, или Политическая

экономия" в Женеве Дювиларом без согласия Руссо (см. письмо Руссо к Верну от 22.10 1758 г.). Некоторые поправки и дополнения были внесены по рукописи в посмертное издание сочинений 1782 г., осуществленное Дюпейру и Мульту.

В этом издании перевод сделан со сводного текста, изданного Воганом после сверки всех пяти печатных изданий статьи.

Большая часть рукописи хранится в городской библиотеке Невшателя (Швейцария).

Статья дважды переводилась на русский язык - А. М. Лужковым в 1777 г. и В. Медведевым в 1787 г.

1. ...управление домом. - Понятие "экономия", встречающееся у Ксенофонта, было рассмотрено Аристотелем, понимавшим под "ойкос" не просто дом, а хозяйство в более широком смысле, нежели домашнее Взгляды именно этого античного мыслителя оказали значительное влияние на Руссо. Мы имеем, в частности, в виду тот факт, что Аристотель под экономией понимал совокупность непосредственно полезных вещей, т. е. потребительских стоимостей, имеющую, по природе своей, естественные количественные границы, в отличие от "хрематистики" - накопления богатства в виде денег, предела не имеющего, к которому он, в общем, относился отрицательно.

2. ...политической экономией. - Или еще Руссо ее именует "публичной" (publique) и гражданской (civile).

3. См. "Новую Элоизу", где мы находим довольно детальное изображение принципов ведения домашнего хозяйства. О домашних слугах и поденщиках говорит часть IV (письмо X - Избр. соч., т. II, стр. 377 и сл.), об обязанностях хозяев, об их образе жизни, об управлении своим состоянием часть V (письмо II, стр. 456-485), о воспитании детей - тоже часть V (письмо III, стр. 485-512).

4. Если бы между Государством... - Этот и последующие четыре абзаца повторяются с незначительными отклонениями в тексте первого наброска "Общественного договора" (кн. I, гл. V). Косвенное свидетельство того, что Руссо включил в эту статью отрывок из уже существовавшего первого наброска "Общественного договора".

5. ...самою природой. - Фактически Руссо уже тут близок к точке зрения, выраженной в "Общественном договоре" (кн. I, гл. II), где говорится, что "самое древнее из всех обществ и единственно естественное - это семья".

6. ...тогда как богатство казны. - В первом наброске "Общественного договора" это место выглядит иначе, "богатство государя, далекое от того, чтобы добавлять нечто к благополучию частных лиц, почти всегда стоит им покоя и изобилия". Воган полагает, что этот текст является первоначальным.

7. ...затем из благодарности... - В "Рассуждении о причинах неравенства" и в "Общественном договоре" отрицается вытекающая из признательности детей их обязанность повиноваться отцу после достижения самостоятельности. То, что в данной статье автор придерживается иной, общепринятой точки зрения, может рассматриваться как свидетельство ее более раннего происхождения.

8. ...о рабстве... - Руссо упомянул его, возможно, лишь потому, что Аристотель в той части "Политики" (см. прим. 1), где он рассматривает экономию "домашнюю", рассматривает отношения между хозяином и его рабами (гл. IV-VII).

9. ...очень немного хороших магистратов. - В изданиях 1758 и 1772 гг. эта фраза заканчивается так: "но сомнительно, что за то время, сколько стоит мир, человеческая мудрость создала десять человек, способных править себе подобными". Окончательный текст появился лишь в издании 1782 г..

10. Роберт Филмер (1604-1688) - английский политический деятель и политический писатель, автор ряда книг, в том числе и "Патриарх, или Естественная власть Монархов" (1680).

11. ...два выдающихся человека... - Это подвергшие книгу Филмера критике, Альджернон Сидней и Джон Локк, первый в своих "Рассуждениях о правлении", второй - в трактате "О государственном правлении" (кн. II).

12. См. Аристотель. Политика, кн. I, гл. II.

13. ...власть исполнительная... - В оригинале "executrice", а не "executive", как в первом наброске "Общественного договора" и в его окончательном тексте (кн. III, гл. I).

14. Да будет мне позволено... - В черновой рукописи этой фразе предшествует следующая: "Если бы я намеревался точно определить, в чем состоит политическая экономия, я нашел бы, что ее задачи сводятся к трем главным, руководить осуществлением законов, поддерживать гражданскую свободу и заботиться о нуждах государства. Но чтобы уразуметь связь этих трех целей, необходимо обратиться к принципу, их объединяющему". Таким образом, Руссо еще не различает отчетливо собственно предмета политической экономии, сливающейся у него не только с экономической, но и со всей внутренней политикой данного государства.

15. ...дают этой машине... - Легкость, с которой Руссо переходит от сравнения общества с живым организмом к сравнению его с машиной, во многом объясняется тем, что эти слова во французском языке его времени звучали почти как синонимы, что объясняется их употреблением в латинском языке, где под машиной понималось всякое соединение частей и органов, образующих некое целое, одушевленное или нет. (см. G. Gayrou. Le francais classique. 6 ed. Paris, 1948, p. 530)

16. ...в здоровом состоянии. - Этот абзац весьма близок к "Введению" к "Левиафану" Гоббса, где государство сравнивается с "искусственным человеком".

17. ...чтобы, заслужить свой скудный обед... - Это замечание вызвано словами Гоббса о роли гражданского закона ("О гражданине", гл. VI, 16).

18. ...в статье "Право"... - Речь идет о статье Дидро "Естественное право" ("Droit naturel") в V томе "Энциклопедии". Великий принцип, о котором идет здесь речь, - несомненно идея главенства общей воли, но значение слов Руссо, называющего свою статью лишь развитием принципа, взятого им у Дидро, до сих пор остается неясным.

19. ...мир - как один большой город... - Вероятно, здесь имеется в виду она из концепций философии стоиков, которые, согласно сообщению Цицерона ("De Finibus bonorum et malrum", III, 64), видели в мире, управляемом Провидением, общий "большой" город богов и людей.

20. ...ее изображению в своих пещерах. - См. Д. Дидро. Собр. соч., т. VII, стр. 205.

21. ...и в сатирах Макиавелли. - Вероятно, имеется в виду критика действительности в сочинении Макиавелли "Князь". Отдельных сочинений в жанре сатиры у этого автора нет.

22. ...объединившихся в большое общество... - Значит, здесь Руссо допускает существование такового, что им полностью отрицается в первом наброске "Общественного договора" (кн. I, гл. П).

23. ...общею защитою. - Эта формулировка совпадает с той, что дает Локк ("О гражданском правлении", гл. IX, 123).

24. ...должен соблюдать их он сам... - Таким образом, Руссо решительно отбрасывает принцип права, характерный для абсолютистских режимов, гласивший: "princeps legibus solutus est" (правитель свободен от соблюдения законов).

25. ...Платон и рассматривает... - см. "Законы", кн. IV, с. 719 и до конца книги.

26. ...суровость наказания... - Руссо следует тут мыслям, высказанным Монтескье как в "Персидских письмах" (письмо XXX), так и в "Духе законов" (кн. VI, гл. IX, XII и XIV).

27. См. развитие этих мыслей в "Общественном договоре" (кн. II, гл. XI и кн. III, гл. VIII). Связь эта указывает на значение данной статьи в творческой истории этого трактата.

28. Оснований собирать нацию тем меньше... - Пример изменения точки зрения Руссо, который в "Общественном договоре" высказывается как раз за частый созыв общих собраний данного народа (кн. Ш, гл. XIII) для выявления общей воли.

29. В Китае... - В отличие от "Духа законов" Монтескье и книг других авторов той эпохи Китай занимает в политических сочинениях Руссо сравнительно скромное место. Все же в данной статье он трижды ссылается на пример этого государства (которое слыло в XVIII в. образцовым), не указывая, однако, своих источников. Мы знаем, что по просьбе

г-жи Дюпен он читал "Описание Китайской империи" отца Дю Хальда, к которому часто прибегал Монтескье.

30. ...интенданта сажают в тюрьму. - Здесь Руссо применяет термин, бытовавший во Франции, где интендантами именовались наместники, управлявшие отдельными провинциями и областями.

31. ...в центре и на севере Азии... - В оригинале "Tartarie" (Тартария). Во французской системе географических наименований XVIII в. под этим понимались обширные пространства Центральной и Северной Азии за Уралом, в Сибири, в Монголии, заселенные, по мнению авторов, народами преимущественно тюрко-монгольского происхождения. Само слово "Tartarie", возможно, связано со словом "татары".

32. ...самого Сократа Катону... - В "Исповеди Савойского викария" Руссо по сходным мотивам противопоставляет Сократа Иисусу.

33. Августин, Аврелий (354-430), епископ Гиппонский (в Северной Африке); крупнейший древнехристианский богослов, философ-мистик.

34. Помпей, Гней (106-48 гг. до н. э.), римский полководец и политический деятель. В 60 г. до н. э. вступил в состав Триумвирата, включавшего Красса и Юлия Цезаря; в борьбе с последним за власть потерпел поражение, бежал в Египет, где был убит.

35. ...воюет с софистами... - Софисты (греч. - мастер, художник) древнегреческие философы, являвшиеся учителями "мудрости" и "красноречия" (V в. до н. э.). "Старшие" софисты в большинстве своем были материалистами в понимании природы (Протагор, Гиппий и др.). Они выражали интересы рабовладельческой демократии. Другая группа тяготела к рабовладельческой аристократии (Критий, Гипподам) и являлась идеалистами. Софисты в спорах нередко использовали всякого рода уловки, неправомерные доводы, отсюда софизм.

36. ...от завоевателей мира... - Имеется в виду главным образом Юлий Цезарь, завоевавший Галлию, Египет, ведший войну в Британии и на Балканах.

37 ...покидает землю... - После поражения своих сторонни ков, республиканцев, Катон Младший в 46 г. до н. э. покончил с собой.

38. ...не может отказать никому? - Руссо связывал весьма тесно и, может быть, даже несколько односторонне понятие о патриотизме с чувством гражданским, политическим. Он писал 1 марта 1764 г., в горькие для него дни изгнания, из Мотье, полковнику Пикте: "Не стены и не люди образуют отечество. Это делают законы, нравы, обычаи. Правительство, конституция, всем этим обусловленный образ жизни. Отечество заключено в отношениях между Государством и его членами. Когда они изменяются или уничтожаются, исчезает и отечество, итак, милостивый государь, оплачем наше: оно погибло, а остающийся ныне призрак способен лишь его позорить" (C. G.,X, p. 337-338)

39. ...или уничтожал другого... - В черновике далее говорится "кроме тех случаев, когда речь идет о самосохранении общественного целого и частного лица" (conservation publique et particulier)

40. ...основные соглашения... - Речь идет о самом общественном договоре, т. е. об акте, оформляющем ассоциацию.

41. ...своим, имуществом... - В черновике добавлено: "и своей свободой".

42. Подразумевается Александр Македонский. Вынести осуждающий приговор в Афинах могло лишь народное собрание голосованием, подвергая обвиненного остракизму - изгнанию.

43. ...среди всего великолепия триумфов... - Триумф - в Древнем Риме торжественный въезд в столицу победоносного полководца по окончании похода.

44. Порций Лека - народный трибун (199 г. до н. э.) - автор "Порцийских законов" (leges Porcianae), запрещавших наказание плетьми и смертную казнь для римских граждан.

45. ...ремесел полезных и трудных... - Мысль эта восходит к Платону ("Государство", кн. II, 13, 372 c. 373 d).

46. ...дурным гражданином... - Идя вслед за Монтескье, для которого каждый вид

правления основывался на определенной страсти, Руссо им придает большое значение в системе политической организации. "Все человеческие установления основаны на страстях и поддерживаются ими: все то, что борется против страстей и подавляет их, не способно, следовательно, укреплять эти установления" ("Письма с Горы", письмо первое).

47. Ср. "Общественный договор", кн. II, гл. VII.

48. ...повиноваться другим... - В "Эмиле" (кн. II) Руссо займет противоположную позицию.

49 ...результат воспитания... - В черновике после этого: "ибо они могли бы из них сделать очень хороших сыновей и очень плохих граждан".

50. Общественное воспитание... осуществляемое посредством законов. - В черновике мысль об общественном воспитании развита следующим образом "Оно является одним из основных принципов правления народного и основанного на законах (populaire et legitime), и при его помощи станут удачно наставлять молодых граждан в том, как надо соединять все свои страсти в любви к отечеству, все свои желания в общей воле, и как, следовательно, возвысить свои добродетели до такой высоты, куда их может вознести человеческая душа, воспитанная для столь великих целей".

51 ...и вершиною... - В дальнейшем Руссо изменил свой взгляд на последовательность получения роли воспитателя. Сначала Руссо считал, что она самая почетная и тем самым достойна увенчать деятельность гражданина, позже эта должность становится в его глазах лишь первым шагом на пути служения обществу.

52. ...критяне, лакедемоняне и древние персы... - Действительно, древние греки и персы уделяли большое значение общественному воспитанию детей.

53. ...совершило чудеса... - Руссо здесь непосредственно отправляется от Монтеня ("Опыты", кн. II, гл. XXXI), а косвенно от Платона, отстаивающего идею общественного воспитания как в "Государстве", так и в "Законах" (кн. I), где он имеет в виду опыт Спарты и Крита.

54. ...никогда не бесполезен... - Ср. "Эмиль", кн. III.

55 ...к управлению имуществом... - Было бы полезно исследовать соотношение этого определения Руссо с формулировкой сенсимонистов, различавших управление людьми и управление вещами.

56. ...как показал Пуфендорф... - См. "О праве естественном и праве международном", кн. IV, гл. X, 4.

57. ...предназначенными для другого... - В "Эмиле" (кн. III) на очень широкой основе, в предвидении приближающихся революций, отвергнута эта точка зрения, отдающая дань влияниям консервативным и патриархальным.

58. Ср. "Общественный договор", кн. III, гл. IV.

59 ...состоит, трудность справедливой и мудрой экономии... - В черновике говорится. "Чтобы устранить эти противоречия, представим себе дела (reprenons les choses) после установления Правительства и станем исследовать не то, что есть, а то, что должно было бы быть" (moins ce qui est que ce qui devrait etre). Это одно из ярких свидетельств намечающегося уже в этой статье нормативного подхода к анализу явлений общественной жизни, окончательно возобладавшего в "Общественном договоре"

60 ....основатель учреждений Республики... - Это законодатель, охарактеризованный подробно в "Общественном договоре" (кн. II, гл. VII)

61. ...разойтись во мнениях с Бодэном... - Жан Бодэн (1530-1596) французский политический мыслитель Считал частную собственность неприкосновенной, а причину переворотов видел в существовании имущественной дифференциации. Его сочинение "Шесть книг о Государстве" имело большое и еще недостаточно изученное влияние на Руссо. В данном случае имеется в виду книга VI этого сочинения, гл. II, стр. 617, изд. 1577 г

62. Ромул - вместе с братом его Ремом - по преданию, внуки Нумитора, царя Альбалонги, основавшие Рим, названный Ромулом по своему имени, где он стал его первым царем в 753-716 гг. до н. э.

63. ...квестора Катона... - Речь идет о Катоне Утическом, успешно исправлявшем в 65 г. до н. э. пост квестора - одного из управляющих государственной казной, эрариумом

64. ...мало находится Гальб... - Гальба Сервий Сульпиций (5 г до н. э.69 г. н. э.) - в 68-69 гг. н. э. римский император. Возможно, Руссо имеет в виду тот факт, что, будучи уже в 32 г. н э. консулом и правителем нескольких провинций, Гальба при преемниках Августа отклонял предложения стать императором, управлял Африкой и Испанией и только после низвержения Нерона принял этот сан.

65. ...поставку хлеба в годы неурожайные... - Руссо воспроизводит конкретные черты экономической политики французского абсолютизма. См. об этом. Г. Е. Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в конце XVIII столетия. Одесса, 1892.

66. ...устроить общественные склады... - Руссо высказывает здесь точку зрения, противоположную развитой основателем доктрины физиократов Кенэ в статье "Зерно" в VII томе "Энциклопедии" (1757), написанной с позиций буржуазного требования свободы торговли, где он решительно выступал против идеи общественных складов. К этой мысли внимание Руссо, кроме опыта Женевы, могла привлечь еще и книга Ж. Мелона "Политический опыт о торговле и промышленности", считавшего, что в небольших странах такого рода склады могут быть весьма полезны.

67. Иосиф ("Прекрасный") - по библейским сказаниям - один из сыновей патриарха Иакова, проданный своими братьями в Египет и занявший впоследствии высокую должность при дворе египетского фараона. Он воспользовался семилетним неурожаем, чтобы превратить независимых землевладельцев в государственных крестьян и заставить их платить казне пятую часть своего дохода.

68. ...отбираем у людей полезных... - В черновике добавлено: "что рано или поздно должно привести к разорению народа и к обезлюдению страны".

69. ...победы Александра... - Речь идет об Александре Македонском.

70. Лишь при осаде Вей начали платить римской пехоте. - На значение этого факта Руссо обратил внимание благодаря Монтескье (См. "Размышления о причинах величия и падения римлян", гл. I). Вейи - этрусский город, расположенный к северу от Рима, который вел с ним упорную и долгую войну.

71. ...Марий был первым, кто во время Югуртинской войны... - Марий (156-86 гг. до н. э.) - римский полководец, началом его военной славы послужили победы в войне с нумидийским царем Югуртой (111-105 гт. до н. э.).

72. ...быть телохранителями Цезаря... - В Риме телохранителями царей было 300 всадников. Сципион впервые набрал себе телохранителей из римских воинов, получивших при Марии название преторианцев. Преторианская гвардия была преобразована при Августе и приобрела огромное влияние.

73. ...мирное пользование тем, что ему принадлежит... - Характер этого определения еще раз свидетельствует о близости многих мыслей этой статьи Руссо к Локку, писавшему, что "основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью" ("О гражданском правлении", гл. XI, 134. - Избр. философ, произв., т. II, стр. 76).

74. ...при обложении... - На полях черновика в этом месте написано: "Смотри у Локка", что подтверждает сказанное выше.

75. ...или его представителей... - Эта мысль и сама ее формулировка также взяты у Локка, считавшего, что для сбора налогов всегда необходимо получать согласие большинства, которое дает его либо само, либо через посредство избранных им представителей ("О гражданском правлении", гл. XI, 140. - Избр. философ. произв., т. II, стр. 82). Вероятно, именно этим влиянием Локка в данном случае объясняется и то, что в своей статье Руссо отводит такого рода важную роль представителям народа, правомерность самого института которых он впоследствии будет отрицать (см. "Общественный договор", кн. III, гл. XV).

76. ...не исключая самого Бодэна... - Бодэн писал, что монархи "не имеют права

облагать своих подданных налогом без их согласия" ("Шесть книг о Государстве", кн. VI, гл. II).

77. ...в книге "О духе законов"... - См. Монтескье. О духе законов, кн. XIII, гл. XIV.

78. ...обложение... для свободных людей. - В черновике следовали за этим следующие строки о косвенных налогах, затем вычеркнутые автором: "Что касается обложения зерна и товаров, то здесь трудно сделать так, чтобы оно было пропорциональным имущественному положению отдельных групп, потому что есть пищевые припасы, которые бедняки потребляют в большем количестве, а их-то преимущественно и облагают налогами".

79. ...различие между необходимым и избыточным... - Этим понятием пользуется также и Монтескье для определения роскоши ("О духе законов", кн. XIII, гл. VII); понимая его весьма относительный характер, авторы XVIII в. не могли внести сюда никаких уточнений.

80. ...сверх необходимого... - Монтескье ("О духе законов", кн. XIII, гл. VII), вопреки утверждению Руссо, также учитывает относительную тяжесть налога для той или иной категории населения.

81. ...приказывать вам... - Этот отрывок К. Маркс приводит в I томе "Капитала", вставив в начале, после слов "вы во мне нуждаетесь", - "говорит капиталист" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 756).

82. ...поземельная талья... - Налог, падавший во Франции при "старом порядке" всей своей тяжестью на Третье сословие, т. е. в основном на крестьян, так как духовенство и дворянство были от него освобождены.

83. ...стеснения народа. - Однако впоследствии, например в "Соображениях об образе Правления в Польше" (1772), Руссо решительно выскажется в пользу поземельного налога, взимаемого при этом без всяких исключений.

84. ...сколько родит, его поле... - Такая система существовала во Франции, о пагубных ее последствиях Руссо говорит в своей "Исповеди" (Избр. соч., т. III, стр. 148-149).

85. Дарий I Гистасп (550-485 гг. до н. э.) - персидский царь, совершавший походы в Скифию и против греков.

86. ...и не делает их ни более, ни менее самостоятельными. - Это критика доктрины меркантилизма, отождествлявшей умножение количества денег в стране с ростом благосостояния населения.

87. В "Шести книгах о Государстве" (кн. VI, гл. II) Бодэн называет этих людей imposteurs. Тогдашнее написание этого слова придавало ему внешнюю форму, аналогичную с графемой слова "обманщики", "лжецы", что во времена Руссо создавало определенную игру слов, которая пропала с того момента, как слово "налог" стало писаться не "impost", а "impot".